

ГАРРИ ГАРРИСОН

К западу от Эдема

АЗБУКА · ФАНТАСТИКА

Эдем

Гарри Гаррисон
К западу от Эдема

«Азбука-Аттикус»

1984

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Гаррисон Г.

К западу от Эдема / Г. Гаррисон — «Азбука-Аттикус»,
1984 — (Эдем)

ISBN 978-5-389-23619-6

Сага о земном мире, пошедшем в своем развитии не тем путем, каким он следует до сих пор. Глобальная катастрофа, из-за которой вымерли на планете гигантские ящеры, обошла Землю стороной, и рептилии, в процессе эволюции обретя разум, создали собственную цивилизацию, несколько не похожую на людскую. Выращенные из семян города, матриархат, коллективный разум, генетически перестроенные животные... И мир людей, противостоящий им, — чуждый, враждебный и агрессивный. Кто выживет в постоянных битвах — люди или иилане', как на языке этого мира называют расу рептилий? Кому принадлежит будущее? «К западу от Эдема» — признанная классика жанра и имеет бесчисленное число почитателей во всем мире.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-23619-6

© Гаррисон Г., 1984
© Азбука-Аттикус, 1984

Содержание

Предисловие Керрика	7
Книга первая	8
1	8
2	15
3	20
4	24
5	28
6	32
7	36
8	40
9	44
10	49
11	54
12	58
13	64
14	68
15	72
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Гарри Гаррисон

К западу от Эдема

Harry Harrison

WEST OF EDEN

Text copyright © 1984 by Harry Harrison

Illustrations copyright © 1984 by Bill Sanderson

All rights reserved

Публикуется с разрешения автора при содействии

Агентства Александра Корженевского (Россия).

Иллюстрации в книге Билла Сандерсона

© Ю. Соколов, перевод, 2018

© В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Гарри Гаррисон (Генри Максвелл Демпси) – один из творцов классического «ядра» мировой фантастики, создатель бессмертных циклов о Язоне динАльте и Джиме ди Гризе по прозвищу Стальная Крыса, автор культовых романов «Подвиньтесь! Подвиньтесь!» и «Фантастическая сага», гранд-мастер премии «Ньебюла», рыцарь ордена святого Фантония и вообще человек, имевший привычку оставлять яркий след на любом поприще – от иллюстраторского мастерства до продвижения эсперанто.

* * *

Замечательная попытка трансформировать биологию и теорию катастроф в фантастический роман.

Analog

Я любил его читать, а в голодные для фантастики времена – перечитывать... Это классика научной фантастики XX века, неиссякаемый источник удовольствия для любого квалифицированного читателя.

Борис Стругацкий

* * *

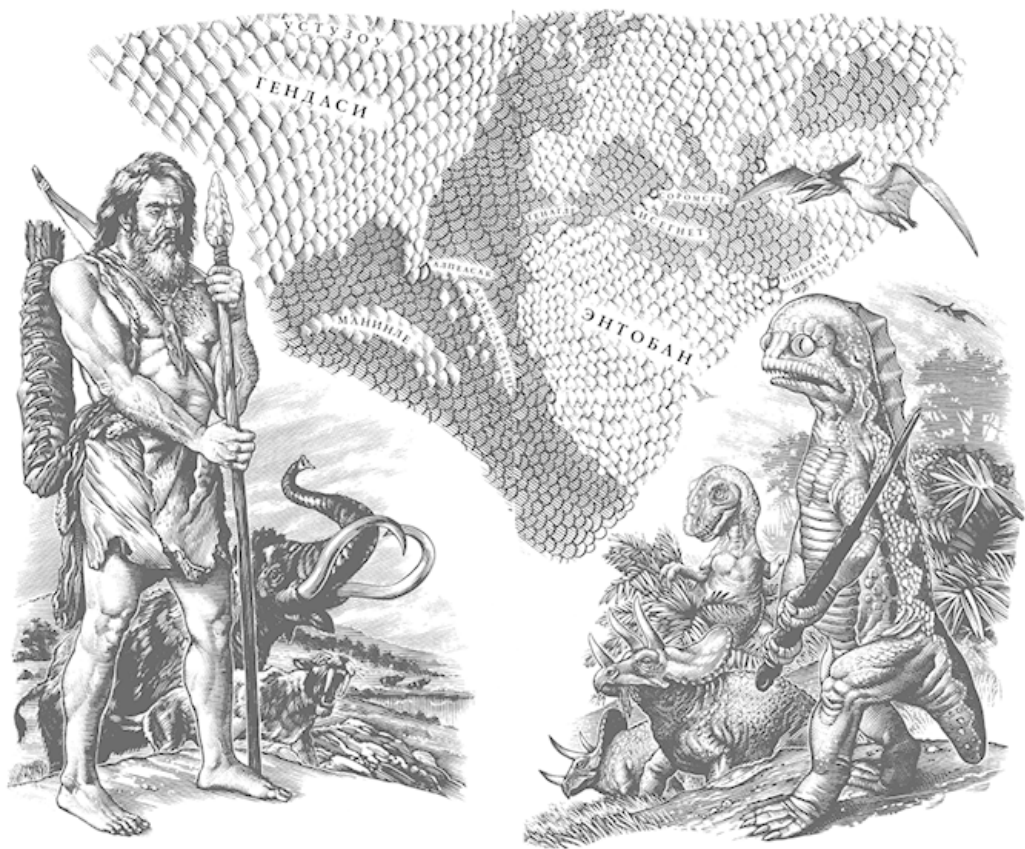
И насадил Господь Бог рай в Едеме, на востоке, и поместил там человека, которого создал...

Бытие 2: 8

И пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема.

Бытие 4: 16

* * *

Из всех существ, что населяли когда-либо Землю, самый долгий век выпал на долю громадных пресмыкающихся. Целых сто сорок миллионов лет на Земле господствовали рептилии, затмевали небо, кишели в морях. Тогда млекопитающие, прародители человечества, были крошечными зверьками вроде землеройки; крупные, быстрые и более смелые завры пожирали их.

И вдруг шестьдесят миллионов лет назад все переменялось. Метеорит диаметром целых шесть миль поразил Землю и вызвал чудовищные изменения. За короткое время вымерло семьдесят пять процентов существовавших тогда видов. Век динозавров закончился; началась эра млекопитающих, которых ящеры подавляли более ста миллионов лет.

Ну а если бы не метеорит? Каким оказался бы наш мир?

Предисловие Керрика

Я перечел эти страницы и искренне уверяю: именно такова истинная история нашего мира.

К этому убеждению я пришел нелегким путем. Всякий может сказать, что мой взгляд на мир очень узок. Я родился у озера, в небольшом поселении, нас было три семьи. В теплое время мы жили на берегу озера, богатого рыбой. И мое первое воспоминание: с берега гляжу на высокие горы за озером, а на вершинах белеет первый снег новой зимы. Когда этот снег спускался вниз и покрывал наши шатры, наставало время охотникам отправляться в горы. И я торопился вырасти, торопился стать охотником на оленя и большого оленя.

Этот мир простых удовольствий исчез навсегда, все переменилось – увы, не к лучшему. Иногда я просыпаюсь ночью от одной только мысли: все, что было со мной, сгинуло, забылось. Этот глупый мир глубоко переменился. То, что давало мне всю полноту бытия, оказалось крошечным закоулком реальности, а огромное мое озеро и высокие горы за ним – кусочком великого континента, разделявшего два океана. Я знаю про Западный океан: там рыбачили наши охотники, они говорили.

О мургу я узнал прежде, чем встретил первого из них. И тогда уже научился их ненавидеть. Наша плоть горяча – они холодны. И у нас на голове растут волосы, гордость охотника – борода... Животные, которых мы убиваем, тоже теплокровны и покрыты шерстью, но мургу не такие. Гладкие, прохладные, покрытые чешуей... у них когти и зубы – чтобы рвать и терзать. Они – огромные и ужасные, вид их вселяет трепет. И ненависть. Я знал, что живут они на юге, в теплых океанских водах и на берегу моря. Они не выносят холода и до недавних времен не беспокоили нас.

Но все изменилось, изменилось невероятно, прежних времен не вернуть. Увы, теперь мне известно, что наш мир – капля, окруженная огромным морем мургу. Мы живем на севере большого континента, далеко на юге он соединяется с южным. И на всей этой земле от океана до океана кишмя кишат мургу.

Впрочем, это не самое худшее. Там, за Западным океаном, лежат континенты еще более обширные. По ним не бродят охотники. Ни одного. Там только мургу, одни мургу. Весь мир, кроме наших гор, принадлежит им.

Но я еще не поведал самого главного о мургу. Они ненавидят нас, как и мы их. Но все бы ничего, если бы все мургу были неразумными. Тогда мы сумели бы укрыться от них на своем севере.

Но есть и другие мургу, разумные, как охотники, и свирепые, как охотники. Их не сосчитать, достаточно будет вам знать, что им-то и принадлежат все земли нашего огромного мира.

Повествование мое нерадостно, не слишком приятно говорить такое, но случившееся должно быть известным.

Я расскажу о нашем мире, об отряде охотников, очутившихся на дальнем юге, и о том, с чем они там столкнулись. И обо всем, что произошло потом, когда мургу – хозяева мира – обнаружили, что он принадлежит не им одним, как они считали от века.

Книга первая

1

*Isizzo' fa klabra massik, den sa rinyur owot meth alpi.
Плюнь в лицо зиме: все равно умрет весной.*

Амагаст уже не спал, когда первые лучи зари тронули океан. Над головой догорали самые яркие звезды. Он знал, что они – тхармы мертвых охотников – каждый вечер высыпают в небесных полях. Но наступала пора даже припозднившимся следопытам, лучшим из лучших добытчиков и храбрецов, прятаться от лучей. Яркое солнце южных краев ничем не напоминало привычное для охотников вялое северное светило, еле согревавшее заснеженные леса под бледным небом. Казалось, это совсем другое солнце. Но перед восходом у воды было прохладно и приятно. Так будет недолго. С первыми лучами жара вернется. Амагаст почесал на руке укусы и стал ждать рассвета.

Из тьмы постепенно проступали очертания деревянной лодки. Суденышко оттащили на песок дальше сухих веток и ракушек, очертивших границу самого высокого прилива. Около лодки темнели силуэты его спавших спутников, четверых из его саммада, ушедших с ним на далекий юг. Амагаст с горечью подумал – один из них, Дайкин, умирает... скоро их останется только трое.

Кто-то из мужчин проснулся и, всем телом опираясь на копье, медленно поднялся на ноги. Старик Огатир. Руки и ноги его сковала болезнь – сырость и холод многих зим. С копьем в руке встал и Амагаст. Мужчины сошлись и направились к водяным ямам.

– Сегодня жарко будет, курро, – произнес Огатир.

– Здесь каждый день жарко, старый. Тебе везет. Солнце исцелит твои кости.

Медленно и осторожно они подступали к черной стене леса. Высокая трава шелестела от утреннего ветерка. Какие-то лесные твари объели верхушки невысоких пальм и, отыскивая воду, разрыли под ними землю. Охотники углубили ямы вчера вечером, и теперь они были до краев полны чистой пресной воды.

– Пей вволю, – приказал Амагаст, встав лицом к лесу.

Огатир кряхтя опустился на землю и жадно припал к воде.

Ночные звери еще могли таиться поблизости в тени деревьев, и Амагаст стоял наготове, крепко стиснув копье. Воздух был полон запахов гниющей растительности, к ним примешива-

вался аромат ночных цветов. Утолив жажду, на страже стал старик, и Амагаст окунул лицо в чистую воду. Напившись, он распрямился и долго плескал на себя, смывая пот и грязь вчерашнего дня.

– Следующая ночевка будет последней. Завтра же утром поворачиваем обратно, по своим следам, – бросил через плечо Огатир, не отводя глаз от кустов и деревьев.

– Так ты говорил. Но какая разница – еще один день или несколько?

– Время возвращаться. Каждый закат я завязывал узелок на шнурке. Дни стали короче, я знаю. Новый закат наступает все раньше, солнце слабеет, не может взлететь высоко на небо. Начинает меняться ветер, это и ты мог заметить. Все лето он дул с юго-востока. Все... Помнишь прошлый год, бурю?.. Она едва не потопила лодку и повалила целый лес. Тогда она пришла тем же путем. Пора возвращаться. Я все запомню, завяжу узелки на шнурке.

– Я знаю, ты умеешь, старый. – Пальцы Амагаста пробежали по густой шевелюре. Волосы ложились на плечи, а влажная окладистая светлая борода ниспадала на грудь. – Но ты знаешь, что наша лодка еще не полна.

– Вяленого мяса много...

– Недостаточно. Чтобы протянуть зиму, нам нужно больше. Охота была плохой. Потому мы и забрались далеко на юг. Нужно мясо.

– Еще один день, и надо поворачивать. Больше нельзя. Путь в горы далек и труден.

Амагаст не ответил. Он уважал Огатира за мудрость: старик знал, как делать орудия, умел отыскивать чудесные растения. Знал он и обряды, предваряющие охоту, и заклинания, которые отгоняют духов усопших. Он помнил события своей жизни и многих жизней до него. Старики рассказывали, а он запоминал и сам уже мог рассказывать от восхода солнца до заката, но так и не закончить повествование. Но было и нечто такое, чего старик не помнил и что беспокоило Амагаста, поскольку требовало новых решений.

Зимы, морозные зимы, свирепые, бесконечные зимы... Дважды уже должна была прийти весна: день удлинялся, солнце светило жарче, но весна все не приходила, глубокие снега не таяли, лед по-прежнему сковывал ручьи. Начался голод. Олень и большой олень ушли на юг из привычных долин и с горных лугов, стиснутых жестокой рукой зимы. Амагаст повел свой саммад вслед за животными на широкие равнины, иначе охотников ждала голодная смерть. Но охота давала скудное пропитание – стадам тоже досталось в эту ужасную зиму. И беда навалилась не только на них. Они встречали охотников из других саммадов, и не только тех, с которыми были связаны родственными узами, но и таких, с кем еще не приходилось встречаться. Эти люди странно произносили слова марбака или вовсе не говорили на нем и в гневе потрясали копьями, но все-таки они были тану, а тану прежде не воевали между собой. Раньше такого не было. А тут вдруг стало. И кровь тану обагрила каменные наконечники копий. Амагаста это тревожило не менее, чем бесконечные зимы. Копье – чтобы охотиться, нож – чтобы свежевать добычу, огонь – для приготовления пищи. Так было всегда. Тану не убивают тану. Чтобы самому не нарушить обычая, он увел свой саммад с гор; день за днем они шли к восходящему солнцу и не останавливались, пока не дошли до соленых вод великого моря. Он знал, что путь на север закрыт: Северный океан ограждали льды; лишь парамутаны, народ, что плавает в обтянутых шкурами лодках, как-то выживают в этих стылых краях. Можно было идти на юг, где леса переходят в джунгли, где никогда не выпадает снег, но где кишат мургу, а где мургу, там смерть.

Оставалось одно только бурное море. Исстари люди его саммада умели сооружать лодки для летней рыбалки, но никогда прежде не осмеливались они уходить в море, теряя из виду берега, или удаляться в лодке вдоль побережья от знакомых мест. Этим летом пришлось. Одних вяленых каракатиц на всю зиму не хватит. Если охота окажется такой же плохой, как и прошлой зимой, никому из них до весны не дожить.

Оставался юг, опасный юг – другой дороги не было. Оставалось охотиться на побережье или на недалеких островах, вечно опасаясь мургу...

Проснулись и остальные. Солнце всходило. Край его выступил над горизонтом, и из глубин джунглей донеслись первые крики зверей. Пора пускаться в плавание.

Амагаст одобрительно кивнул, когда Керрик поднес ему кожаный мешок и извлек из него горсть эккотаца – мешанины из тертых орехов и сушеных ягод. В одну руку Амагаст принял дар, другой взлохматил густые волосы на голове сына. Его первенец. Скоро станет взрослым и получит мужское имя. Но пока еще мальчик, хоть высокий и сильный. Прежде белая, кожа его теперь золотилась: как и все, он был только в набедренной повязке из оленьей шкуры. На шее на прочном кожаном шнурке висел нож из небесного металла, такой же, как у Амагаста, только поменьше. Эти ножи были тупее каменных, однако ценились высоко. Всего двумя ножами из небесного металла располагал весь их саммад. Керрик улыбнулся отцу. Ему было восемь, и он впервые охотился с мужчинами. События более важного еще не случилось в его жизни.

– Напился вволю? – спросил Амагаст.

Керрик кивнул. Он знал, до заката воды не будет. Охотник должен был привыкнуть и к этому. Раньше он жил вместе с женщинами и детьми, мог пить воду когда заблагорассудится и, проголодавшись, всегда мог отыскать горсточку ягод или сочные корни. Все. Теперь он с охотниками и должен научиться жить, как они, – обходиться без питья и еды с рассвета и до темноты. Он гордо подхватил свое небольшое копьё.

Вдруг в джунглях раздались треск сучьев и крики. Мальчик испугался, но старался не подавать виду.

– Сталкивайте лодку! – приказал Амагаст.

Люди повиновались: крики раздавались все громче и ближе. Грузить в лодку было особенно нечего: копы, луки и колчаны со стрелами, бурдюки и мешки с эккотацем. Лодку быстро столкнули в воду. Рослый Хастила и Огатир придержали ее, пока мальчик, бережно держа раковину, в которой тлели угольки утреннего костра, не вскарабкался на борт.

На берегу Дайкин с трудом поднимался на ноги, стараясь последовать за остальными, но сегодня силы совсем оставили его. Он побледнел от усилий, на лице выступили крупные капли пота. Подошедший Амагаст склонился над ним и углом оленьей шкуры обтер лицо раненого товарища.

– Отдохни. Мы перетащим тебя в лодку.

– Не надо, если не смогу сам, – с трудом прохрипел Дайкин. – Вам легче будет, если я останусь здесь. И мне легче.

Его левая рука была очень плоха. Два пальца откусило чудовище, во мраке ночи напавшее на стоянку. Даже не узнав, с кем пришлось иметь дело, люди отогнали его копыями в темноту. Сначала рана Дайкина не казалась слишком серьезной: охотники выживали и после худшего, – а для него сделали все, что было в человеческих силах. Рану промыли в морской воде, пока кровотечение не ослабело, потом Огатир перевязал ее, покрыв целебным мхом, собранным в дальних высокогорных урочищах. Но рана оказалась хуже, чем они думали. Плоть его сперва побагровела, потом почернела, и чернота поползла вверх по руке; воняло от нее просто ужасно. Он скоро умрет. Амагаст перевел взгляд с распухшей руки на зеленую стену джунглей.

– Когда сюда явятся звери, мой тхарм уже будет далеко, – произнес Дайкин, проследив за направлением взгляда Амагаста.

Правая рука его была сжата. Когда он на миг разжал кулак, блеснул острый осколок камня – скребок, которым свежуют и разделявают туши. Достаточно острый, чтобы вскрыть вену на руке.

Амагаст медленно распрямился и стряхнул песок с коленей.

– На небе я буду искать тебя, – произнес он тихим голосом, так, чтобы слышал один умирающий.

– Ты всегда был мне братом, – ответил Дайкин.

Когда Амагаст отошел, он закрыл глаза и отвернулся, чтобы каким-либо знаком не помянуть охотников назад...

Лодка тихо покачивалась на волнах. Доброе и прочное суденышко было выдолблено из ствола огромного кедра. Керрик сидел на корме, поддерживая огонь в маленькой жаровне, поставленной на камни. Взметнулись языки пламени, послышался треск – огонь охватил подложенные им ветки. Мужчины уже вдели весла между кольшками из дерева тхоле и были готовы грести. Амагаст через борт перевалился в лодку. Глаза всех были обращены к оставшемуся на берегу охотнику, но ни слова не было произнесено. Так полагалось. Охотник не показывает боли... жалости тоже. Каждый мужчина вправе выбрать время, когда тхарм его поднимется в ерман, ночное небо, где его встретит Ерманпадар, отец и небесный правитель. Там, среди звезд, встречаются тхармы ушедших охотников. Такое право принадлежало каждому, и говорить было не о чем: кто мог помешать охотнику? Даже Керрик уже знал об этом и потому молчал, как и все остальные.

– Навались! – приказал Амагаст. – Правь на остров!

Неподалеку виднелся невысокий, поросший травой островок, преграждавший путь волнам. Его высокий южный берег покрывали деревья. Трава и тень сулили добрую охоту. Если только там не окажутся мургу.

– Поглядите-ка! – крикнул Керрик, показывая на воду.

Под ними проплывала огромная стая хардальтов, за их прикрытыми раковинами телами тянулись щупальца. Хастила схватил копьё и застыл над водою.

Это был рослый охотник, выше Амагаста. Несмотря на огромный рост, он двигался ловко и быстро. Он выждал немного и вдруг молниеносно вонзил копьё в волны – так что рука его по локоть оказалась в воде, – а потом так же быстро вскинул копьё кверху.

Удар был меток – в мягкое тело прямо за раковиной, и хардальт оказался на дне лодки, щупальца его слабо подрагивали, из пробитого копьём мешка сочилась черная жижа. Все радостно расхохотались. Верное имя – Хастила, Копьё-Зажатое-в-Руке. Копьё, которое не промахнется.

– Хорошая еда, – проговорил Хастила, ставя ногу на раковину и освобождая копьё.

Керрик был возбужден. Все так просто: один быстрый удар – и готово, вот он – огромный хардальт, которого хватит всем на целый день. Он взял свое копьё за конец, как Хастила. Оно было в два раза короче копья взрослого охотника, но наконечник был столь же остер. Хардальты не ушли, они тесно окружали лодку, а один как раз всплыл под кормою.

Керрик с силой ударил. Острие вошло в чье-то тело. Схватив копьё двумя руками, он потянул добычу вверх. Деревянное древко дергалось у него в руках, но он, посуровев, упорно тянул.

Вода возле лодки вспенилась, забурилась, и показалась скользкая голова. Керрик выпустил копьё и упал навзничь. Распахнулись огромные челюсти, два ряда зубов оказались так близко, что на мальчика пахло гнусным дыханием чудовища. Острые когти впились в борт, вырывая куски дерева.

Но Хастила не сплеховал, его копьё ударило в открытую пасть – раз, другой. Мараг заревел, брызнула кровь. Челюсти сомкнулись, и на мгновение Керрик увидел перед собой круглый немигающий глаз.

Миг – и чудовище ушло под воду, оставив на поверхности кровавую пену.

– Гребите к острову! – приказал Амагаст. – За этим придут другие, крупнее... Как мальчик?

Огатир плеснул горсть воды в лицо Керрику и умыл его.

– Просто перепугался, – проговорил он, глядя на осунувшегося мальчика.

– Удачлив, – мрачно сказал Амагаст, – счастье приходит однажды. Впредь не станет наобум тыкать копьем.

«Никогда!» – едва не выкрикнул Керрик, глядя на разбитый в щепу борт. О мургу он слышал, видел в ожерельях их когти, трогал разноцветный и гладкий мешок, выкроенный из шкуры одного из них. Но рассказы о мургу не пугали по-настоящему, трудно было представить чудовище ростом до неба: зубы как копыя, глаза словно булыжники, когти – ножи. А тут он испугался. Он отвернулся: на глазах выступили слезы, а он не хотел, чтобы их заметили, и молча кусал губы, пока они медленно приближались к берегу. Вдруг оказалось, что лодка всего лишь хрупкая скорлупка в полном чудовищ море, и он отчаянно захотел очутиться на твердой земле. Когда под лодкой заскрипел песок, он чуть не вскрикнул от облегчения. Пока остальные вытаскивали лодку из воды, он смывал с себя кровь марага...

Притаившись в траве над откосом, Амагаст изучал остров. Вдруг он тихо зашипел сквозь зубы – сигнал охотника, – и все замерли. Саммадар жестом приказал всем лечь, потом подозвал к себе. Раздвигая перед собой траву, Керрик пополз за остальными.

Олени. Целое стадо невысоких животных паслось на расстоянии полета стрелы. Раздобревшие на сочных травах, они медленно передвигались, длинные уши подергивались, отгоняя жужжавших вокруг мух. Расширив ноздри, Керрик принюхался – до него донесся сладкий запах животных.

– Идем медленно вдоль берега, – сказал Амагаст. – Ветер к нам – не почуют. Подберемся.

Пригнувшись, он побежал первым, остальные за ним, Керрик замыкал цепочку.

Прячась за откосом, охотники достали стрелы и натянули тетивы, а потом одновременно вскочили и выстрелили.

Стрелы летели точно: пара зверей упала, третий, раненый, зашатался. Маленький олененок со стрелой в боку рванулся в сторону. Амагаст кинулся следом и быстро нагнал его. Олененок повернулся на месте, угрожающе наставив крошечные рожки, но Амагаст, расхохотавшись, прыгнул вперед, схватил за них и дернул. Зверь фыркнул, пошатнулся и заблеял, теряя равновесие. Когда подбежал Керрик, Амагаст уже запрокидывал голову животного на спину.

– Бери копьё, убивай. Первый раз. В горло, сбоку, воткни глубже, потом поверни.

Керрик так и поступил; олененок закричал в агонии, алая кровь окропила руки Керрика. Кровью гордятся. Он еще глубже вонзил копьё; зверь задрожал мелкой дрожью и затих.

– Отлично! – с гордостью произнес Амагаст. Тон его означал, что про морского марага забыто.

Разделявая добычу, охотники хохотали от радости. Амагаст показал на юг, в сторону более высокой части острова.

– Донесем до деревьев, там развесим и провялим.

– Будем еще охотиться? – спросил Хастила.

Амагаст покачал головой:

– Нет, завтра нам возвращаться. Чтобы разделать и прокоптить сегодняшнюю добычу, нужны день и ночь.

– Есть будем, – произнес Огатир, облизываясь. – Больше в желудке – меньше на плечах!

Под деревьями было прохладнее, но зато не было отбоя от каких-то кусачих мух. Оставалось только отмахиваться и умолять Амагаста поторопиться с костром.

– Освежите, – велел он, пнув ногой поваленное дерево. Ствол развалился в труху. – Прогнило. Здесь нечего жечь. Огатир, принеси из лодки огонь, накорми его сухой травой к нашему возвращению. Мы с мальчиком соберем плавник.

Оставив на земле лук и стрелы, он взял копьё и направился в сторону океана. Сделав то же самое, Керрик последовал за ним.

Берег был широким, белый песок слепил, словно снег. Вдали на отмели пенились буруны, разбившиеся валы невысокими волнами катили к берегу. Там, куда уже не мог дотянуться при-

бой, валялись щепки, изломанные губки, разноцветные раковины, фиолетовые улитки, длинные зеленые пучки водорослей, осыпанные крошечными крабами. Мелкие ветки, принесенные морем, не стоили внимания, и люди направились к холмам, от которых уходил в воду каменистый берег. Легко поднявшись по склону, они увидели в просветах между деревьями уютную бухту. С противоположной стороны на песке нежились какие-то существа – должно быть, тюлени.

И в тот же самый миг они заметили, что из-за ближайших деревьев кто-то тоже следит за бухтой. Должно быть, охотник. Амагаст уже был готов окликнуть его, когда тот выступил из тени.

Слова сразу застряли в горле, все мышцы оцепенели. Это был не охотник, не человек, нет. Фигура хоть и напоминала человеческую, но казалась мерзким подобием тану.

Существо было нагим и безволосым, начинавшийся на голове пестрый гребень сбегал на спину. Яркое солнце освещало отвратительную шкуру, покрытую пестрыми чешуями.

Мараг. Не такой большой, как населявшие джунгли гиганты, но тем не менее мараг. И как свойственно их роду, он стоял неподвижно, словно окаменел. А потом медленно стал поворачивать голову, пока наконец не оказались обращенными к ним его круглый и невыразительный глаз и массивная выпяченная челюсть. Охотники застыли подобно мургу, крепко стиснув копья. При таком повороте головы мараг не заметил среди деревьев их безмолвные силуэты.

Амагаст шевельнулся, лишь когда существо вновь обратило свой взгляд к океану. Бесшумно шагнув вперед, он поднял копье. Когда существо заподозрило или наконец услышало что-то, Амагаст уже успел добраться до края рощи. Чудовище резко повернуло голову и взглянуло в лицо человеку.

Охотник с размаху всадил каменный наконечник прямо в лишенный век глаз. Копье глубоко вошло в мозг. Содрогнувшись всем телом, мараг рухнул. Он умер, еще не коснувшись земли. Амагаст извлек копье и обернулся, разглядывая склон и берег позади. Поблизости никого не было.

Керрик подошел к отцу, встал рядом с ним и молча поглядел на труп.

Существо было грубой и мерзкой пародией на человека. Красная кровь еще сочилась из пробитой глазницы, другой глаз был безжизненно обращен вверх вертикальной прорезью зрачка. Носа не было, просто дырки. В раскрывшейся в короткой агонии пасти белели острые конечные зубы.

– Что это? – спросил Керрик дрожащим голосом.

– Не знаю. Какой-то мараг. Небольшой. Таких я еще не видел.

– Но он стоял и ходил, словно человек, тану. Он из мургу, отец, но руки его похожи на наши.

– Не совсем. Сосчитай. Раз, два, три пальца и большой палец. Нет, смотри, только два пальца и два больших.

Оскалившись, Амагаст глядел на существо. Кривые и короткие ноги с плоскими ступнями и когтями на пальцах, короткий толстый хвост. Смерть скорчила лежавшее на земле тело. Амагаст ногой перевернул его. Еще одна тайна, подумал он: в руках ящер держал длинную узловатую палку.

– Отец – берег! – крикнул Керрик.

Спрятавшись за деревьями, люди следили, как прямо перед ними из моря выбирались какие-то существа.

Мургу было трое. Двое из них очень напоминали убитого, третий, жирный, был крупнее и передвигался медленно. Первые двое подталкивали его. Крупный мараг забулькал дыхательными отверстиями, а потом медленно и лениво почесал брюхо когтями ноги. Один из мургу, поменьше, замахал лапами и резко зацокал.

Гнев душил Амагаста, он едва не задохнулся от отвращения. Ненависть ослепила его, и, не думая о последствиях, он бросился вниз по склону, вскинув копьё.

Через какой-то миг он оказался возле мургу и ударил копьём ближайшего. Ящер увернулся от удара – острый наконечник копья только разодрал кожу на ребрах. Чудовище открыло рот и попыталось убежать. Следующий удар Амагаста был точным...

Вырвав копьё, Амагаст обернулся – второй мараг с плеском бросился в воду. Но вдруг раскинул лапы и повалился вперед: маленькое копьё неожиданно настигло его.

– Меткий бросок, – похвалил Амагаст сына.

Убедившись, что ящер мертв, он извлек копьё и отдал Керрику.

Теперь оставался только жирный и крупный мараг. Глаза его были закрыты, он словно не замечал происходящего вокруг.

Когда копьё Амагаста проткнуло его бок, он закричал почти по-человечески. Тварь вся заросла жиром – охотник колол и колол... Наконец мараг замер на песке. Покончив с ним, Амагаст оперся на копьё и с безразличностью поглядел на убитых: ненависть еще владела им.

– Твари! Их надо убивать! Мургу – не мы. Гляди: пятна на шкуре, шерсти нет, холода боятся, ядовиты, в пищу даже не годятся. Когда попадают, надо убивать! – рычал он, и Керрик лишь кивал в знак согласия, ощущая такое же глубокое и бездумное отвращение.

– Иди приведи остальных! – приказал Амагаст. – Быстро! Смотри, на том краю бухты другие. Надо убить всех...

Вдруг убитый мараг шевельнул хвостом, и Амагаст снова занес копьё.

Нет! Хвост не двигался, что-то шевелилось у его основания, там была какая-то щель, открывавшаяся, словно сумка. Острием копья Амагаст ткнул туда, и его замутило от одного вида бледных созданий, посыпавшихся на песок.

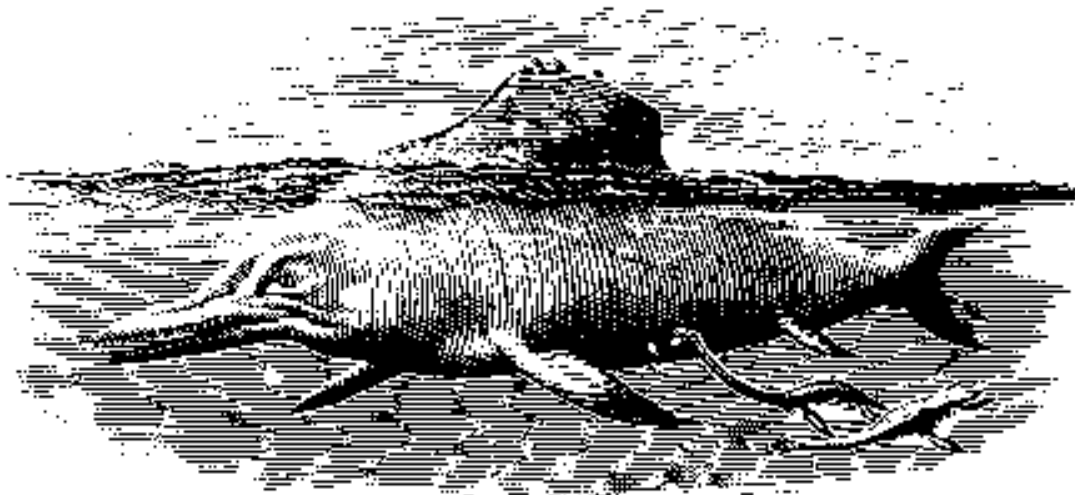
Сморщенные и слепые, похожие на взрослых... Значит, детеныши. Задыхаясь от гнева, он топтал их ногами.

– Всех, всех передавлю! – бормотал он, а Керрик уже мелькал между деревьями.

2

*Ende hante'hei, ate' Eemboke'ka iirubushei kaksheise', he'awahei;
he'vai'ihei, kaksheinte', enpeleiuu asahen enge.*

*От отцовской любви уйти в объятия моря – вот первая боль
жизни, а первая радость – подружки, что ждут там тебя.*

Энтиисенат резал волны громадными плоскими плавниками. Он приподнял голову – вода заструилась по темной шкуре; голова на длинной шее поднималась все выше, энтиисенат огляделся по сторонам – и, заметив за собой огромный силуэт, торопливо ушел под воду. «Стайка кальмаров», – радостно зацокал второй энтиисенат. Массивные хвосты заколыхались, и ящеры рванулись за добычей; могучие гиганты, для которых не было преград, разинули широкие пасти.

Выбрасывая струи воды, кальмары бросились в разные стороны. Некоторые из них спаслись в чернильных облаках, но большинство нашло смерть в ненасытных плоских пастьях, проглоченные в один миг. Насытившись, гиганты повернули назад.

Неподалеку океан бороздило еще более огромное существо. Вода перехлестывала через его спину, пенилась вокруг громадного спинного плавника. Приблизившись к нему, энтиисенаты нырнули и пристроились рядом, стараясь держаться возле чудовищного, усеянного зубами клюва. Урукето, должно быть, увидел их, глаз его, медленно поворачиваясь, следил за обоими, черный зрачок обрамляло костяное кольцо. Неторопливый мозг чудовища соображал медленно, клюв приоткрылся, потом распахнулся пошире.

Один за другим энтиисенаты подплыли к разверзшейся пасти и, по очереди просунув головы в колоссальную полость, извергли только что проглоченных кальмаров. Опустошив желудки, они отвалились в сторону, загребая сильными плавниками. Челюсти позади сомкнулись так же неторопливо, как открылись. Урукето не спеша продолжал путь.

Большая часть массивной туши находилась под водой, только спинной плавник взрезал поверхность вод. Вздываясь над волнами, плоская верхушка его, морщинистая и высохшая, была покрыта белыми пятнами экскрементов морских птиц и шрамами от ран, оставленных острыми клювами. Одна из птиц как раз опускалась на верхушку плавника, расправив огромные белые крылья и выставив вперед перепончатые лапы. Вскрикнув, птица вдруг метнулась назад: сверху на плавнике открылась узкая щель. Она увеличивалась, расходилась во всю длину – громадный ход внутрь живой плоти, – из него пахло спертый воздухом.

Отверстие все ширилось, пока наконец иилане' не смогла просунуть в него плечи. Второй офицер, она несла вахту. Поднявшись на невысокий костный карниз, огибающий плавник изнутри, она с наслаждением вдохнула свежий морской воздух, покрутила головой во все стороны. Удовлетворенная, она спустилась вниз, где иилане', выполнявшая сегодня обязанности кормчего, внимательно смотрела в прозрачный круглый диск прямо перед собой. Первая иилане' поглядела на светившуюся в полумраке иглу компаса и заметила, что они отклонились от курса. Кормчая потянулась в сторону, защипнула узел нервного окончания в плавнике и стиснула его. Дрожь сотрясла все «судно»: полуразумное существо повиновалось. Вахтенная кивнула и отправилась вниз, в длинную пещеру. Расширяясь, зрачки ее быстро приспособились к темноте.

Помещение в живом теле урукето, проходившее от головы до хвоста, освещали только фосфоресцировавшие пятна на стенах. Сзади, почти в полной тьме, лежали со связанными ногами иилане'-узницы; коробки с припасами, емкости с водой отделяли их от пассажиров и экипажа, располагавшихся впереди.

Вахтенная подошла к капитану и отрапортовала. Эрефнаис оторвалась от светившейся карты, которую держала в руках, и одобрительно кивнула. Удовлетворенная, она свернула карту и направилась вверх, к плавнику. Эрефнаис слегка прихрамывала: давала знать о себе детская травма спины, там до сих пор проступали морщинистые шрамы. Только великие способности позволили ей достичь высокого положения капитана при таком физическом недостатке. Наверху она тоже принялась оглядываться, глубоко вдыхая свежий морской воздух.

За спиной пропадали из виду берега Манинле. Впереди, на горизонте, едва виднелась цепь невысоких островов, тянувшаяся с юга на север. Склонившись вниз, она заговорила самым формальным тоном. Приказы она отдавала тверже и решительнее. Сейчас этого не требовалось. Она говорила вежливо и безлично, как иилане' низшего ранга следует обращаться к вышестоящей. А ведь она командовала судном... Значит, та, к которой она обращалась, занимала воистину высокое положение.

– Есть на что поглядеть, Вейнте'.

С этими словами она шагнула в сторону, уступая дорогу. Вейнте' стала осторожно подниматься по ребристой внутренности плавника, за ней следовали еще двое иилане'. Вейнте' прикинула к краю отверстия. Открывая и закрывая ноздри, она вдыхала острый, соленый морской воздух. Эрефнаис с восхищением глядела на нее, в этот миг Вейнте' была воистину прекрасна. Даже если не знать, что она поставлена во главе нового города, по любому движению сразу можно было догадаться о ее истинном положении. Не замечая восхищенных взоров, Вейнте' гордо стояла, запрокинув голову и выставив вперед нижнюю челюсть; под жгучими лучами солнца зрачки ее сузились в вертикальные щелки. Сильными руками она крепко держалась за плавник урукето, для равновесия широко расставив ноги, ее причудливый ярко-оранжевый гребень изредка подергивался. Она рождена, чтобы повелевать, – это чувствовалось в каждом движении ее тела.

– Скажи мне, что там впереди, – отрывисто произнесла Вейнте'.

– Цепь островков, высочайшая. Имя их соответствует сути. Алакас-Аксехент – золотые камни, идущие друг за другом. Песок и вода на них теплые в любое время года. Острова цепочкой протянулись к материку. Там, на берегу, и растет новый город.

– Алпеасак. Прекрасные пляжи... – прошептала Вейнте', едва шевельнув губами. – Моя судьба. – Она повернулась лицом к капитану. – Когда мы прибываем?

– Сегодня к вечеру, высочайшая. Но еще до заката. Теплое океанское течение быстро несет нас вперед. Кальмаров вокруг в изобилии, и энтиисенат, и урукето сыты. Иногда даже слишком сыты, но это трудности капитана в дальнем походе. За ними приходится следить, иначе они не станут торопиться и мы прибудем...

– Тихо. Я хочу побыть со своими эфенселе.

– Удовольствие для меня, – пяясь, проговорила Эрефнаис и исчезла внизу.

Вейнте' обернулась к молчавшим спутницам и ласково взглянула на них:

– Ну вот мы и прибыли. Трудная дорога в новый мир, в Гендаси, заканчивается, впереди новые трудности – теперь придется создавать новый город.

– Мы поможем, приказывай, – отвечала Этдиирг, сильная и крепкая как скала, всегда готовая помочь. – Приказывай, пойдем на смерть.

В других устах такие речи могли бы показаться притворством, но только не в устах Этдиирг. Искренность проступала в каждом движении ее крепкого тела.

– Этого я не стану приказывать, – сказала Вейнте', – но попрошу тебя быть рядом со мной, первой помощницей во всем.

– Сочту за честь.

Вейнте' обернулась к Икеменд, тоже готовой исполнить любое приказание.

– Ты будешь на самом ответственном месте. Наше будущее у тебя между большими пальцами. Тебе – заботиться о ханане и самцах.

Икеменд вздохнула, выражая разом согласие, удовольствие и преданность. Вейнте' ощутила теплоту их дружбы и поддержки, но тут же нахмурилась.

– Благодарю обеих, – сказала она, – оставьте меня. Пришлите сюда Энге. Одну.

Урукето качнула большая волна. Вейнте' крепко вцепилась в грубую шкуру. Накативший от хвоста зеленый вал разбился о черную башню плавника. Соленая пена брызнула Вейнте' в лицо. Прозрачные мигательные мембраны, опустившиеся на глаза, медленно поднялись. Она не замечала капель воды, мысли ее были далеко; они опережали огромное существо, которое несло их по морю из самого Инегбана.

Впереди ее ждал Алпеасак, золотой пляж ее будущего... Высоко взлетала она в мечтах своих, едва покинув теплое море детства, и обошла многих из своего эфенбуру и эфенбуру многими годами ее старше. Хочешь подняться – лезь в гору. И наживай врагов. Но, как никто, Вейнте' знала, что надо уметь обзаводиться и союзниками. У нее было свойство помнить обо всех из своего эфенбуру, какое бы положение они ни занимали, и встречаться с ними при первой возможности. Тех, кто был равен ей или выше, она умела расположить к себе, младшие же в эфенбуру ею восхищались. В городе они были ее ушами и глазами, служили ей тайной силой. Без их помощи она не сумела бы добиться права на это путешествие, решиться на величайший риск. Ее ждал взлет – или падение. Пост начальницы Алпеасака, нового города, – важный пост. Назначение это позволило ей опередить многих. Но она могла потерпеть и неудачу, ведь в новом городе, самом далеком от Энтобана, ее поджидали серьезные проблемы. Если новый город не вырастет вовремя, она падет так низко, что никогда не поднимется. Как Диисте, которую она сменил на посту эйстаа нового города. Если она потерпит неудачу, ее тоже сместят. Такое было возможно, но рискнуть следовало. В случае успеха, на который все надеялись, она пойдет в гору и ничто не остановит ее.

Снизу поднялась и встала рядом знакомая иилане', с которой были связаны и добрые, и горькие воспоминания. Вейнте' ценила дружбу всех из своего эфенбуру, она знала ей цену. Будущее Энге было туманным. Вейнте' хотела, чтобы ее эфенселе понимала, что ждет ее на берегу. Сейчас был последний шанс переговорить с глазу на глаз перед высадкой на берег. Внизу для этого слишком много настороженных ушей и внимательных глаз, там нельзя открывничать, но все нужно сказать именно сейчас, и пусть эта глупость закончится навсегда.

– Мы уже возле берега. Впереди Гендаси. Капитан сказала мне, что мы прибудем в Алпеасак еще до вечера.

Энге молчала и лишь в знак согласия шевельнула пальцем. Жест не был оскорблением, но и не выражал никаких эмоций. Разговор начался неудачно, но Вейнте' не могла позволить себе разгневаться и отвлечься от главного. Она повернулась к своей эфенселе.

– От отцовской любви уйти в объятия моря – вот первая боль жизни... – начала Вейнте'.

– А первая радость – подруги, которые ждут там тебя, – закончила Энге знакомую фразу. – Я казню себя, Вейнте', я знаю, как ты страдаешь от моего эгоизма.

– Мне не надо ни извинений, ни твоего унижения, даже объяснений твоего из ряда вон выходящего поведения. Мне просто непонятно, почему и ты, и твои последовательницы не преданы позорной смерти. Но не буду говорить об этом – я думаю не о себе. Меня беспокоишь ты, и только ты. Не эти заблудшие существа внизу. Если у них хватило ума пожертвовать свободой ради вредной философии, значит хватит смекалки и на добрую работу. Город найдет для них применение. Он может использовать и тебя, и не в качестве заключенной.

– Я не просила развязывать меня.

– Тебе не надо было этого делать. Я приказала. Для меня позор, когда одна из моего эфенбуру связана, как преступница.

– Я никогда не желала опозорить ни тебя, ни наше эфенбуру. – В голосе Энге не было раскаяния. – И поступала в соответствии с собственными убеждениями. Их глубина полностью переменяла всю мою жизнь... они могут изменить и твою, эфенселе. Но все-таки приятно слышать, тебе стыдно. Это пробуждение – начало веры.

– Постой. Я стыжусь лишь за наше эфенбуру, которое ты опозорила. А сама я ощущаю лишь гнев – и не более. Сейчас мы вдвоем, нас никто не слышит. Со мной будет покончено, если ты проболтаешься, но я знаю – ты не станешь причинять мне вред. Слушай же. Перед высадкой на берег тебя вновь свяжут, как и твоих подруг, но ненадолго. Едва уйдет судно, я освобожу тебя, ты будешь помогать мне. Алпеасак – моя судьба, я нуждаюсь в твоей помощи. Дай мне ее. Ты знаешь, какие ужасные события происходят ныне, что с севера дуют все более холодные ветры. Два города уже погибли, и нет сомнений, что Инегбан ждет та же участь. Усилиями прежних глав нашего города основан новый, еще более великий, город на этом дальнем берегу. Инегбан умрет, но Алпеасак будет жить. Я долго билась за право быть эйстаа нового города, я направлю его рост, буду готовить его к тому дню, когда в него переселится весь наш народ. Но мне нужна помощь. Мне нужны друзья, готовые усердно трудиться вместе со мной и вместе возвыситься. Я прошу тебя помочь мне, Энге. Будь со мной в этих нелегких трудах. Ты моя эфенселе. Мы вместе оказались в море, вместе росли, вместе вышли из него и стали подругами в одном эфенбуру. Нашу связь невозможно нарушить. Помогите мне, будь рядом со мной, возвысьтесь, будь моей правой рукой. Ты не можешь отказать мне. Согласна?

Голова Энге склонилась. Сложив молитвенно руки, она подняла глаза:

– Я не могу. Я связана с подругами, Дочерьми Жизни, связью более сильной, чем со своим эфенбуру. Они следуют за мной.

– Ты привела их в ссылку, в дикие края, на верную смерть!

– Надеюсь, что нет. Я только учила их пониманию мира. Я пересказала им истины, открытые Угуненапсой, которые даровали ей вечную жизнь. Не только ей – мне, всем нам. Просто ты и другие иилане' слепы и ничего не видите. Одно только может вернуть зрение – память о смерти позволит узнать жизнь.

Вейнте' была вне себя и на миг потеряла дар речи, по-детски протянув к Энге руки. Она видела – пылающие ладони Энге были обращены к ней в самом оскорбительном из жестов. Еще более разгневало ее то, что Энге не растрогала проявленная забота, не огорчил гнев.

– Не надо, Вейнте'. Если мы вновь окажемся вместе, обнаружится нечто более важное, чем наши желания, чем преданность эфенбуру...

– И преданность городу?

– Да... Это важнее всего на свете.

– У меня нет даже слов. Ты предала все, чем мы живем, и я презираю тебя. Все иилане' от яйца времен живут как положено иилане', и в этот порядок, словно паразит в живую плоть, вгрызается твоя презренная Фарнексеи, проповедующая возмутительную чушь. К ней относились с терпением, но она настаивала на своем, получила предупреждение, но не образуми-

лась... пока не осталось единственного выхода – изгнать ее из города. Но она не умерла, первая из вас, живых покойниц. И если бы не спасительница Олпесааг, она до сих пор жила бы и проповедовала.

– Угуненапсой звали ее потому, что устами ее говорила великая правда. Олпесааг-разрушительница уничтожила ее тело, но не откровение.

– Имя дается, она была Фарнексеи – «ищущая». Она забыла про осторожность и за это умерла. Такой конец ждет и вашу детскую веру, место которой среди кораллов и водорослей. – Вейнте' глубоко вздохнула, пытаясь сдержать себя. – Разве ты не понимаешь, что я тебе предлагаю? Последний шанс. Жизнь вместо смерти. Будешь со мной – и поднимешься. Если эта низменная вера важна для тебя, верь в глубине сердца, но молчи, не говори о ней ни мне, ни другим иилане', спрячь под плащ, где ее никто не увидит. Сделай это.

– Не могу. Правду нельзя спрятать.

С яростным ревом Вейнте' схватила Энге за шею, больно ткнув большими пальцами в гребень, и ударила лицом в неподатливую поверхность плавника урукето.

– Вот тебе правда! – закричала она, разворачивая Энге лицом к себе, чтобы до той дошло каждое слово. – Правда в том, что я сую в птичье дерьмо твою круглую, как луна, рожу. И еще правда в том, что тебя ожидает новый город, окруженный дикими джунглями, тяжелая работа, грязь, отсутствие всех привычных удобств. Такова будет твоя судьба, и, уверяю, смерть ждет тебя, если ты не откажешься от своего высокомерия, не прекратишь этого жалкого визга.

Услыхав тихие шаги капитана, которая была ошеломлена увиденной сценой и теперь пыталась незаметно уйти, Вейнте' крикнула, толкнув Энге на карниз:

– А ну сюда! Что значит это шпионство?!

– Я не хотела... высочайшая, у меня не было дурных намерений, я уйду, – забормотала Эрефнаис, не прибегая к тонкостям и пышным фразам: так велико было ее смущение.

– Что привело тебя сюда?

– Пляжи... Я просто хотела показать вам пляжи, белые родильные пляжи. Вон там, к ним мы и направляемся.

Вейнте' обрадовалась, что отыскалась причина закончить эту отвратительную сцену. Отвратительную – ведь она позволила себе вспышку гнева. Подобное она допускала нечасто, потому что прекрасно понимала, какое оружие отдает в чужие руки. Теперь вот капитан разнесет новость, и ничего хорошего не получится. А во всем виновата Энге, строптивая, неблагодарная, глупая Энге. Теперь ее ждет судьба, которую она заслужила. Не отводя глаз от зеленого берега, Вейнте' прислонилась к стенке, гнев ее утихал, дыхание замедлялось. Энге поднялась на ноги: она тоже хотела взглянуть на пляж.

– Мы подойдем поближе, – произнесла Эрефнаис, – поближе к берегу.

«Наше будущее, – думала Вейнте', – первый восторг, первые яйца, первые рождения, первое подрастающее в море эфенбуру».

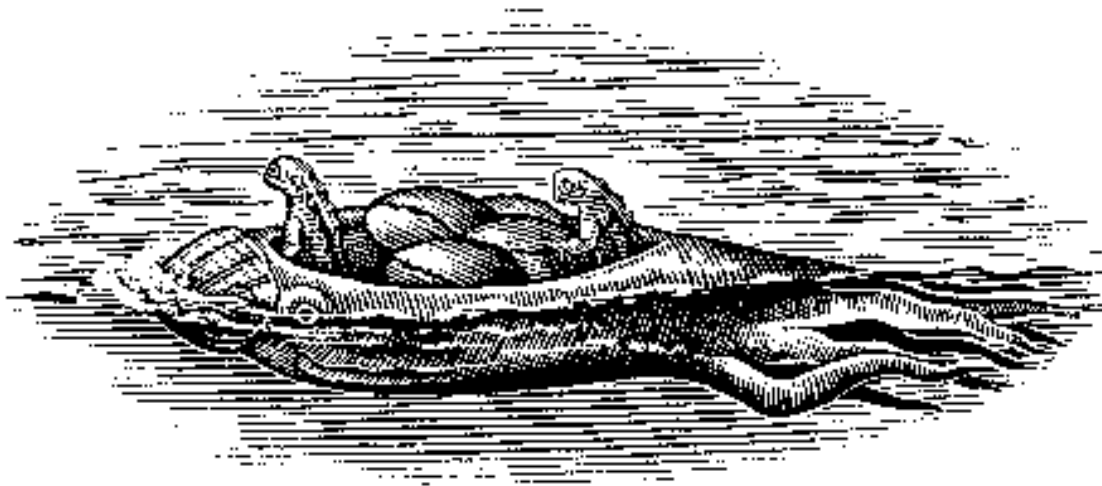
Гнев ее улегся, она едва не улыбнулась, представив себе жирных ленивых самцов на пляжах. Молодняк, блаженствующий в сумках у них под хвостами. Первое рождение – памятное событие в новом городе.

Экипаж сумел заставить урукето подойти близко к берегу, почти в самые буруны, вдоль которого тянулись пляжи, прекрасные пляжи...

Энге и капитан остолбенели. Громко, с мукой в голосе, закричала Вейнте'.

На ровном песке валялись изуродованные трупы.

3

Крик резко оборвался. Когда Вейнте' заговорила снова, из ее слов исчезла вся многозначительность, вся утонченность и отточенность речи. Только обнаженные кости смысла, только безжалостная и жесткая необходимость.

– Капитан, немедленно отправить на берег десять сильнейших членов экипажа. Выдать всем хесотсаны. Пусть урукето остается на месте. – Она выглянула наружу, опершись на плавник, и показала на Энге. – Ты пойдешь со мной.

Зацепившись когтями ног за шкуру урукето и помогая себе руками, Вейнте' выбралась на спину животного и нырнула в прозрачное море. Энге чуть отставала.

Они вынырнули из волн прибоя возле трупам самца. Мухи густо усеяли многочисленные раны с запекшейся кровью. Зрелище это заставило Энге пошатнуться, словно ее качнул невидимый ветер, она сплетала пальцы, не замечая того, – детский знак боли.

А Вейнте'? Она стояла спокойно, с непроницаемым лицом, только глаза метались по сторонам.

– Я хочу отыскать тех, кто это сделал, – произнесла она невозмутимым тоном, ступив вперед и склонившись над телом. – Эти существа убивали, но не ели. У них длинные когти, клыки или рога – погляди на эти раны! Видишь? Убиты ведь не только самцы, но и няньки. Где же стража?

Она повернулась, из моря навстречу ей спешили командир и вооруженные члены экипажа.

– Растянитесь в шеренгу, оружие наготове, прочешите весь пляж! Найдите охрану, которая должна была находиться здесь, и вместе отправляйтесь по следам. Вперед! – Вейнте' проследила за ними и обернулась, когда Энге позвала ее.

– Вейнте', я даже представить не могу, какое животное нанесло эти раны: повсюду одиночные проколы или разрезы, словно у этого зверя один рог или клык.

– У ненитеска на конце морды один грубый рог и у хурукаста тоже один рог.

– Это гигантские, неповоротливые, глупые твари, они не способны на подобное. Ты сама говорила мне, что здешние джунгли опасны. Здесь могут оказаться другие звери, стремительные и коварные.

– Но где же охрана? Опасности им известны, почему они не справились со своим делом?

– Она была здесь, – проговорила Эрефнаис, медленно возвращаясь по песку, – все мертвы. Убиты.

– Это невозможно! А их оружие?

– Не использовано и полностью заряжено. Это существо... существа... они смертельно опасны.

Одна из членов экипажа издали окликнула их, но на таком расстоянии голос ее был едва слышен, а знаки непонятны. В большом возбуждении она бежала к ним.

– Я нашла след... идите сюда... там кровь! – (Вейнте' наконец разобрала слова. Нескрываемый ужас был в этом голосе.) – Я шла по следу, высочайшая, – заговорила иилане', указывая на деревья. – По-моему, существ было по крайней мере пять – столько было следов, и все кончаются у воды. Они исчезли. Но есть кое-что еще, это следует видеть.

– Что?

– Место убийства... Там много костей и крови, и еще... Увидишь сама.

Не дойдя до места, они услышали сердитое жужжание мух. Там действительно были следы страшного убийства, но было и нечто куда более важное. Проводница молча показала на землю.

Там лежала кучка углей и пепла, из которой еще вился серый дымок.

– Огонь? – громко произнесла Вейнте', озадаченная увиденным, как и остальные. Ей уже приходилось видеть огонь, но он ей не понравился. – Назад, дура! – крикнула она, когда капитан сунулась к тлеющим углям. – Тут огонь. Он очень горячий и жжется.

– Я не знала, – стала извиняться Эрефнаис. – Я только слыхала о нем, но никогда не видела.

– А вот кое-что еще, – продолжила говорившая, – на берегу оказалась грязь. Она засохла под лучами солнца. И на ней следы. Очень четкие. Я взяла один, вот он.

Вейнте' подошла и склонилась над потрескавшимся куском глины с углублениями в твердой поверхности.

– Невелики, очень невелики, они ниже нас. Такие мягкие ступни, нет и следа когтей. Цо! Считайте. – Она выпрямилась и обернулась к сопровождавшим, вытянув вперед руку с растопыренными пальцами. – Пять пальцев, а не четыре, как у нас. Кто знает зверей с пятью пальцами?

Молчание было ей ответом.

– Здесь столько тайн. Мне не нравится это. Сколько вокруг стражниц?

– Три, – ответила Эрефнаис, – по одной у каждой оконечности пляжа, третья в середине. Она умолкла. Из подлеска, треща ветками, на берег выскочила еще одна из экипажа.

– У берега лодка, – доложила она, – небольшая.

Вейнте' вышла из-за деревьев и заметила покачивавшуюся на волнах небольшую лодку, нагруженную какими-то емкостями. Одна из иилане' придерживала на волнах живое суденышко, чтобы не удрало, еще две таращились на трупы на пляже. Заметив Вейнте', они переглянулись. На шее одной из них блеснуло ожерелье из крученой проволоки. Вейнте' пристально оглядела ее.

– Если ты эсекасак, та, что защищает родильные пляжи, почему ты не спасла своих подопечных?

Ноздри эсекасак расширились от ярости.

– Кто ты, чтобы так разговаривать со мной?

– Я – Вейнте'. Теперь я эйстаа этого города. Живо отвечай на мой вопрос, низкая, я теряю терпение.

Эсекасак почтительно прикоснулась к губам и отступила на шаг.

– Извини меня, высочайшая, я не знала. Потрясение, эти смерти...

– Ты в ответе за них. Где ты была?

– В городе, я ходила за пищей и новой сменой.

– Сколько времени ты отсутствовала?

– Всего три дня, высочайшая, как всегда.

– Как всегда? – Вейнте’ душила ярость. – Я не понимаю твоих слов. Почему ты морем отправилась в город? Где же терновая стена, где линии обороны?

– Они еще не подросли, высочайшая, и ненадежны. Реку уже очистили и углубили, но еще не совсем освободили от опасных зверей. Решили безопасности ради родильные пляжи временно оставить на берегу океана.

– Безопасности ради? – Более Вейнте’ не могла сдержать гнева. Показывая на трупы, она завопила: – Вот они – все убиты! Ты виновата! Лучше бы ты погибла вместе с ними. За это величайшее из преступлений я требую самого строгого наказания. Ты изгоняешься из города, из числа говорящих, будь среди безъязыких! Долго ты не проживешь, но, пока жива, будешь помнить, что твоя собственная ошибка, твоя безответственность, уклонение от обязанностей навлекли на тебя наказание!

Вейнте’ шагнула вперед и, большими пальцами схватившись за металлическую эмблему высокого поста, сорвала ожерелье с эсекасак. Затем, бросив ожерелье в прибой, она затащила литанию деперсонализации:

– Я лишаю тебя поста! И все присутствующие лишают тебя поста за безответственность. Каждая жительница Инегбана, города нашего и дома, каждая живущая иилане’ лишает тебя гражданства. А теперь я забираю твое имя, никто из живых не произнесет его, но все будут помнить тебя, злую тьму. Возвращаю тебя к безымянным и бессловесным! Ступай!

Вейнте’ указала на бушующий океан, ужасающий своим гневом.

Деперсонализированная эсекасак рухнула на колени, распростерлась на песке у ног Вейнте’. Слова ее едва можно было понять.

– Нет, только не это, умоляю! Не моя вина, это Диисте приказала, она заставила нас. Рождений не было, но она не укрепляла сексуальную дисциплину. Меня в этом нельзя винить, иначе не было бы рождений. В случившемся виновата не я...

Голос ее постепенно слабел, судорожные движения конечностей замедлились и остановились.

– Поверните ее! – приказала Вейнте’.

Эрефнаис сделала знак двум членам экипажа, которые перевалили обмякшее тело на спину. Глаза умирающей еще глядели, но дыхание затихло. Она умирала. Правосудие свершилось. Вейнте’ одобритительно кивнула и тут же забыла о несчастном создании – оставалось еще столько дел.

– Эрефнаис, останешься здесь и проследишь, чтобы тела убрали, – распорядилась она, – а потом води урукето к городу. Я отправлюсь в этой лодке. Хочу видеть эту эйстаа Диисте, которую я должна сместить.

Когда Вейнте’ забралась в лодку, охранница, находившаяся возле нее, смиренным жестом попросила разрешения заговорить.

– Встретиться с Диисте невозможно. Она мертва уже много дней. Лихорадка... Она умерла в числе последних.

– Значит, мое прибытие слишком запоздало.

Вейнте’ уселась, а стражница, склонившись к уху лодки, отдала приказ. Лодка задрожала и выбросила струю воды.

– Расскажи мне о городе, – попросила Вейнте’, – но сперва назови свое имя.

Она говорила спокойно и доброжелательно. Стражница не виновата в несчастье, дежурила не она. Вейнте’ должна найти в ней союзницу, должна думать о городе.

– Я – Инленат, – отвечала та уже не таким испуганным голосом. – Город будет уютным. Мы все этого хотим. И мы усердно работаем, хотя у нас много трудностей и проблем.

– И Диисте была одной из вас?

Инленат спрятала руки, чтобы не выдать себя.

– Не мне говорить. Я прожила в городе недолго.

– Но если ты живешь в городе, ты принадлежишь ему. Можешь говорить: я – Вейнте', и я – эйстаа. А потому ты принадлежишь и мне. Задумайся, потрать немного времени. Вся власть в моих руках. Ко мне будут идти со всеми проблемами. От меня будут исходить решения. Теперь ты понимаешь свою ответственность. Говори, правдиво отвечай на мои вопросы.

– Повинуюсь твоему приказанию, эйстаа, – преданно отвечала Инленат, приспосабливаясь к новому порядку.

Постепенно тщательными и осторожными расспросами Вейнте' удалось выяснить последовательность событий в городе. Стражница занимала слишком низкое положение и не знала, что происходило среди высочайших, но результаты их действий она знала прекрасно. И они не обнадеживали.

Диисте не любили, это было очевидно. Она явно окружила себя группой приживалок, почти не выходивших на работу. И все указывало на то, что именно они утратили чувство ответственности, не обратились к другим способам получения удовлетворения, когда пришло время откладывать яйца, а воспользовались самцами, хотя родильные пляжи еще не были готовы. И если это так, правду несложно было выяснить, даже не стоило тратить силы на публичный суд. Преступниц следовало направить на работу вне города, чтобы они трудились, пока не свалятся мертвыми или не попадут в зубы местным хищникам. Иного они не заслуживали.

Впрочем, не все новости были так плохи. Уже были расчищены первые поля, город вырос почти наполовину и развивался по плану. Когда победили здешнюю лихорадку, прочих медицинских проблем уже не возникало – случались только травмы, обычные при тяжелой работе.

Когда лодка вошла в устье реки, Вейнте' в основном представляла себе, что придется делать. Конечно, она проверит слова Инленат, это естественно, но предчувствие говорило ей, что простодушное создание и впрямь выложило все городские проблемы. Конечно, вперемешку со сплетнями, но в основном все подтвердится.

Солнце опускалось в облака, лодка скользнула между водяными корнями города и оказалась в гавани. Вейнте' машинально набросила на плечи один из плащей: становилось прохладно. Плащ кормили хорошо, и он грел, к тому же скрывал ее ранг, и это было неплохо. Если бы не трагедия на пляже, она настояла бы на официальной встрече урукето. Но теперь торжественность была неуместной. Вейнте' тихо вступит в Алпеасак, так, чтобы, когда слухи о случившемся проникнут в город, она могла бы правильно использовать их. О гибели стражницы иилане' не позабудут, но вспоминать об этом будут как о конце неурядиц, начале доброй поры. И она пообещала себе, что теперь все будет иначе, совершенно иначе.

4

Прибытие Вейнте' не осталось незамеченным. Еще издали она увидела на причале фигуру в плаще, явно ожидавшую ее прибытия.

– Кто это? – спросила Вейнте'.

Инленат проследила за ее взглядом.

– Я слыхала, что ее зовут Ваналпе', ранг ее – высочайшая. Она никогда не разговаривала со мной.

Вейнте' знала о ней из ее отчетов. Деловые и формальные, ни слова о личностях или трудностях. Она была эсекаксонка, буквально – «меняющая форму вещей». Она принадлежала к тем немногим, кто умел изменять растения и животных, создавать новые полезные виды. Именно она отвечала за проект города и его выращивание. Вейнте' была эйстаа, предводительница поселения, распоряжающаяся всеми его жителями; Ваналпе' полностью отвечала за физическую форму самого города. Вейнте' попыталась скрыть внезапную скованность: важна первая встреча, она покажет, как сложатся отношения. А от них зависят судьба и будущее самого Алпеасака.

– Я Вейнте', – произнесла она, ступая на сырые доски причала.

– Приветствую тебя и приглашаю в Алпеасак. Одна из фарги заметила урукето и приближающуюся лодку и доложила мне. Больше всего я хотела, чтобы это оказалась именно ты. Мое имя Ваналпе', «услужаящая», – вежливо проговорила она, делая жест подчинения.

Она сделала его в старомодной манере, дважды широко поведя рукой, а не коротко, как было принято теперь. Она стояла, расставив ноги, крепкая, готовая повиноваться. Вейнте' сразу же почувствовала к ней расположение и по-дружески взяла за руку:

– Я читала твои отчеты. Ты хорошо поработала для Алпеасака. А скажи, больше фарги ничего не рассказывала?... о пляже не вспоминала?

– Нет, просто доложила о твоём прибытии. А что случилось на пляже?

Вейнте' открыла было рот, но поняла, что не может говорить. После той короткой вспышки гнева она держала свои чувства под строгим контролем. И теперь ощутила, что, если заговорит об убийстве самцов и молодняка, гнев и ужас вновь овладеют ею. А в нынешнем положении это будет ошибкой, ибо нарушит вид холодной рассудительности, с которым она всегда появлялась публично.

– Инленат, – приказала она, – расскажи Ваналпе', что мы обнаружили на пляже.

Стараясь не прислушиваться, Вейнте' расхаживала по причалу, планируя дальнейшие действия. Когда голоса умолкли, она обернулась и увидела, что обе ожидают распоряжений.

– Теперь понимаешь? – спросила Вейнте'.

– Чудовищно! Следует отыскать тварей, что сделали это, и уничтожить!

– Ты не имеешь представления, что это за звери?

– Нет, но мне известно, кто знает. Сталлан, она работает вместе со мной.

– Имя охотницы ей присвоено?

– Это истинное ее имя. Она в одиночку исходила джунгли вокруг города. Она знает о них все. Используя ее сведения, я внесла изменения в проект города, о которых должна рассказать тебе поподробнее.

– Потом. Хотя я теперь эйстаа, некоторые дела могут подождать, сначала надо разобраться со случившимся на пляже. В городе все в порядке? Неотложных проблем нет?

– Другие вопросы могут подождать. Все идет своим чередом. Лихорадка остановлена. Кое-кто умер.

– Диисте умерла. О ней будут вспоминать?

В задумчивости Ваналпе' молча потупила глаза. А когда заговорила, стало ясно, что она, понимая свою ответственность, тщательно взвесила каждое слово.

– В городе были недобрые настроения... многие говорили, что в них виновата Диисте. Я согласна с ними. Ее будут вспоминать немногие.

– И кто же?

– Подружки. Ты быстро найдешь их.

– Понимаю. Пошли за Сталлан, я приказываю ей явиться ко мне. А теперь покажи мне город.

Ваналпе' провела ее меж высоких корней и откинула в сторону задрожавший от прикосновения тяжелый полог. Внутри было теплее, и они сбросили плащи возле двери. Медленно выпустив щупальца, плащи принялись ощупывать стенку и, ощутив сладкий запах древесосока, присосались к ней.

Иилане' миновали какие-то сооружения у края воды, где узловатые стволы деревьев были прикрыты полупрозрачными листьями.

– Новый метод, – пояснила Ваналпе'. – Этот город заложен после долгого перерыва. И дни, прошедшие со времени закладки последнего, расходовались мудро: в проект были внесены значительные усовершенствования. – Она оживилась и, улыбнувшись, погладила хрупкие листы. – Я вырастила их сама. Модифицированные куколки насекомых. Если личинки сытно кормить, они могут производить много таких листов. Их снимают и соединяют, пока они еще мягкие. Высыхая, они твердеют. Ничего не тратится напрасно. А вот и дерево-город.

Она показала на переплетения складывавшихся в стены тяжелых корней, закрытые теми же прозрачными листьями.

– Они состоят исключительно из углеводов. Дерево поглощает их, впитывая много энергии.

– Великолепно! – Вейнте' остановилась возле фонарика, прильнувшего к распростершему мембраны крыльев нагревателю, и огляделась с неподдельным восхищением. – Даже не могу сказать, как я довольна. Я читала все твои отчеты. Я знала о твоих достижениях. Но видеть этот уверенный рост – это абсолютно другое. Впечатляет, впечатляет и впечатляет. И в первом же сообщении в Энтобан я это отмечу.

Не осмеливаясь заговорить, Ваналпе' отвернулась. Всю жизнь она работала, проектировала города, и Алпеасак был вершиной ее мастерства. Бурный энтузиазм новой эйстаа ошеломил ее. Она заговорила не сразу, указав в сторону нагревателя:

– Он такой новый, что сообщение о нем еще не попало в отчеты. – Ваналпе' погладила нагреватель, на миг он извлек клыки из древесосока и, открыв слепые глаза, тоненько вскрик-

нул. – Я выводила их много лет. И могу теперь доложить, что эксперименты оказались успешными. Они долгожители, иного питания, кроме сахаристого древесного сока, им не нужно. Попробуй температуру тела на ощупь – выше, чем у всех прочих.

– Могу только восхищаться.

Ваналпе' с гордостью вела новую эйстаа вперед по лабиринту корней. Нырнув в какое-то отверстие, она приподняла корни, чтобы Вейнте' могла пройти, и показала на толстый ствол:

– Вот место, где я посадила семья города. – Рассмеявшись, она протянула вперед руку ладонью вверх. – Вот на этой ладони оно лежало, крохотное... Даже нельзя представить, сколько трудов, дней и ночей ушло на мутацию генных цепей. И пока зерно не возшло, никто не был уверен, что труды не напрасны. Место это по моему приказу очистили от кустов, деревьев, от насекомых, после чего я сама удобрила и увлажнила почву и вот этим большим пальцем сделала дыру... и положила туда семья. В ту ночь я спала возле него, я не могла отойти. А уже на следующий день пробился крошечный зеленый побег. Не могу даже описать своих чувств. А теперь – вот!

С великой гордостью и радостью Ваналпе' похлопала по огромному корню. Потом подошла поближе и прикоснулась к коре дерева. Ее дерево, ее город...

– Я буду тут. Скажи всем, что это мое место.

– Это твоё место. Чтобы оградить апартаменты эйстаа, мы посадим стены. А теперь я пойду за Сталлан, ее проводят сюда.

Когда она удалилась, Вейнте' молча подождала, пока первая проходившая мимо фарги не взглянула в ее сторону, и сразу же отправила ее за мясом. А когда та вернулась, Вейнте' была уже не одна.

– Мое имя Хексеи, – произнесла прибывшая официальным тоном. – Разнеслись слухи о твоём прибытии, великая Вейнте', и я поторопилась поприветствовать тебя в твоём городе.

– Что ты делаешь в городе, Хексеи? – спросила Вейнте' столь же официально.

– Пытаюсь быть подручной, всем помогать, быть верной городу...

– Ты была близкой приятельницей умершей эйстаа Диисте?

Это было скорее утверждение, чем вопрос, и стрела попала в цель.

– Я не знаю, что ты слышала. Многие ревнуют, рассказывают небылицы...

Она умолкла: возвращалась Ваналпе', за ней следовала иилане' с перевязью через плечо, на которой висел хесотсан. Глянув на оружие, Вейнте' отвернулась: по закону в городе с ним нельзя было показываться.

– Это та самая Сталлан, о которой я говорила, – произнесла Ваналпе', скользнув взглядом по Хексеи, словно той вовсе не существовало.

Сталлан приветствовала ее официальным жестом и отступила на шаг к двери.

– Я виновата, – с хрипотцой произнесла она, и Вейнте' заметила длинный шрам на ее щеке. – Я, не подумав, принесла сюда оружие. Только увидев твой взгляд, я поняла, что оружие надо было оставить.

– Ты всегда его носишь с собой? – спросила Вейнте'.

– Всегда, я больше времени провожу в джунглях, чем в городе. Мы ведь здесь недавно, и вокруг так много опасностей.

– Тогда носи его, Сталлан, раз это необходимо. Ваналпе' рассказала тебе о случившемся на пляже?

Сталлан молча сделала утвердительный жест.

– Ты знаешь, какой зверь свирепствовал там?

– И да и нет.

Вейнте' не обратила внимания на невольный жест сомнения и недоверия Хексеи.

– Объясни.

– Здесь, в новом мире, есть болота, огромные леса и горы. На запад отсюда лежит большое озеро, далеко за ним океан. На север уходят бесконечные леса. Много зверей. Одни похожи на тех, которые живут в Энтобане. Другие совершенно иные. Чем дальше к северу, тем больше разница. Там мне попадалось много-много устузоу. Я убивала их, они опасны. Они ранили моих спутниц-фарги, некоторые из них умерли.

– Опасны?

Хексеи громко расхохоталась:

– Разве мышь под полом опасна? Надо бы послать за элиноу, чтобы ты не боялась...

Сталлан медленно повернулась к Хексеи:

– Ты всегда смеешься, когда я рассказываю о них, хотя ничего не знаешь. Настало время прекратить глупый смех.

Холодный тон ее не допускал возражений. Все молча смотрели, как она направилась к двери и сразу же вернулась с большим свертком.

– В этой стране живут устузоу – звери, покрытые мехом, которые много крупнее той самой рассмешившей тебя мыши под полом. У себя на родине мы встречали только этого крошечного зверька, и до сих пор многие думают, что все устузоу такие же маленькие. Следует отказаться от этой мысли. Здесь все по-другому. Встречается и такой зверь, у которого нет еще имени.

Развязав сверток, она раскатала его по полу. Это оказалась лохматая шкура животного, которая протянулась от стенки до стенки. Все умолкли, пораженные размерами зверя. Сталлан приподняла одну из лап и указала на когти, которые были длиннее ее ладони.

– На твой вопрос, эйстаа, я ответила «и да и нет», и вот почему. Здесь пять когтей. У многих опасных лохматых зверей по пять пальцев. И я думаю, что побоище на пляже устроили устузоу какого-то еще незнакомого мне вида.

– По-моему, ты права, – согласилась Вейнте' и отвернула в сторону уголок толстой шкуры, стараясь не выдать отвращения от этого мягкого прикосновения. – Как ты думаешь, мы сумеем найти этих тварей?

– Я пойду по их следу на север. Они могли уйти только туда.

– Найди их. Быстро. И доложи мне. Тогда мы их уничтожим. Уйдешь с рассветом.

– С твоего разрешения, прямо сейчас.

Вейнте' изобразила на лице легкое недоверие.

– Скоро будет темно. Разве ты можешь путешествовать и ночью? – спросила она.

– Возле города можно, очертания берега позволяют. У нас есть большие плащи и ночная лодка. Она пойдет вдоль береговой линии, и к рассвету мы уже пройдем немалую часть пути.

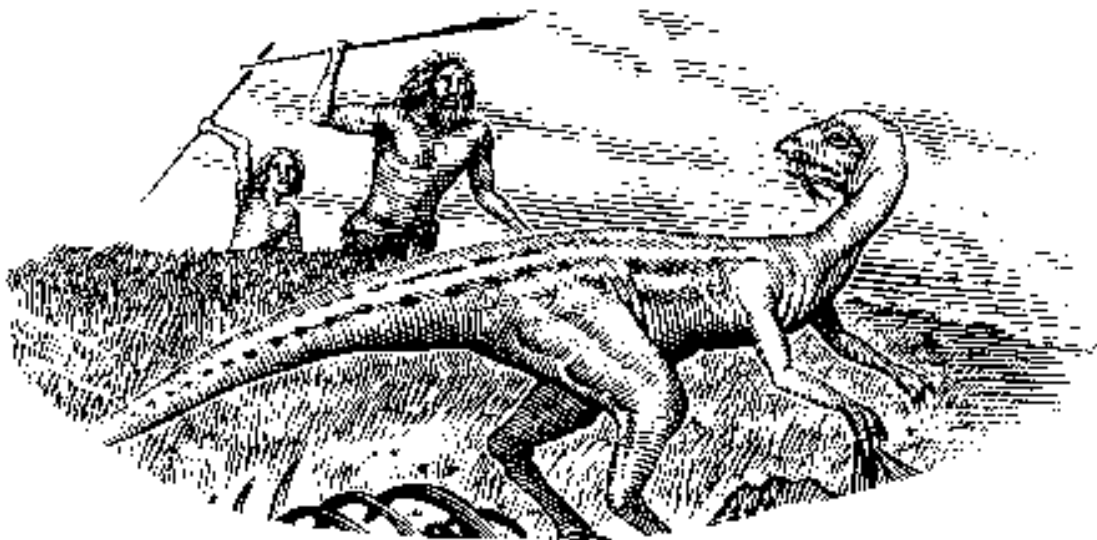
– Ты настоящая охотница. Но я не хочу, чтобы ты отправлялась одна навстречу опасностям. Тебе потребуется помощь. Вот Хексеи говорила, что она всем помогает. Пусть она отправится с тобою.

– Путешествие будет тяжелым, эйстаа, – возразила Сталлан ровным, лишенным выражения тоном.

– Я уверена, что путешествие будет полезным для нее, – продолжала Вейнте', отвернувшись от Хексеи и не обращая внимания на явное негодование и просьбы внимания. – Может быть, ваш поход окажется удачным.

5

*Naudinza istak ar owot at kwalaro, at etcharro – ach i marinanni terpar.
Путь охотника всегда самый тяжелый и долгий, но заканчивается
он среди звезд.*

Далекие вспышки молнии озаряли низкие темные облака над горизонтом. Доносился отдаленный рокот грома. Гроза удалялась в море, а вместе с нею и ливень, и шквалистый ветер. Высокий прибой тяжело рушился на берег, далеко накатывая на песок. Волны добегали до самой кромки солончаковых трав, почти до вытащенной на берег лодки. Как раз за лодкой, в небольшой рощице, и находился шатер из шкур, натянутых на весла и палки. Из-под шкур сочился дымок.

Старый Огатир выглянул из укрытия и прищурился: низкие лучи вечернего солнца вдруг выбились из-под отступающих облаков. Он принялся.

– Гроза кончилась, – объявил он, – можно отправляться дальше.

– Не в такое море, – ответил Амагаст, раздувая огонь. Костер вспыхнул. Над ним висели крупные куски оленины, капли сока падали вниз и шипели на углях. – Лодку захлестнет, сам знаешь... Утром.

– Но мы опаздываем, опаздываем...

– Ничего не могу поделать, старый. Ерманпадар посылает нам грозы, не спрашивая нашего согласия.

Он отвернулся от огня к убитому оленю. Охота была удачной, прибрежные кустарники просто кишели зверьем. Когда они разделают последнюю тушу и прокоптят мясо, лодка будет полна. Он развел передние ноги оленя и с трудом вспорол шкуру острым осколком камня: нож был тупым. Амагаст отбросил его в сторону и крикнул Огатиру:

– Эй, старый, сделай мне новый нож! Ты это умеешь.

Огатир, кряхтя, поднялся на ноги. От здешней сырости ныли все кости.

С трудом доковылял он до лодки и долго шарил внутри. Потом возвратился, держа в каждой руке по камню.

– Ну, мальчик, учись, – проговорил он, приседая на корточки и протягивая камни Керрику. – Погляди. Что ты видишь?

– Два камня.

– Конечно. Но что это за камни? Что ты можешь мне о них рассказать?

Он покрутил их, чтобы мальчик мог как следует рассмотреть. Керрик потрогал поверхность пальцем и пожал плечами:

– Простые камни.

– Это потому, что ты еще молод и глуп. От женщин о камнях не узнаешь – это мужские знания. Охотнику нужно копьё. Разве есть охотник без копья? А копьё необходим наконечник. И ты должен научиться не только отличать камни друг от друга, замечать внутри камня нож или наконечник, но и открыть камень, извлечь из него спрятанное... Начнем урок. – Он дал Керрику круглый, окатанный водой голыш. – Вот тебе молот. Видишь – гладкий? Чувствуешь – тяжелый? Этот камень разобьет все камни. Он откроет этот, где прячется нож.

Керрик крутил в руках камень, с яростной сосредоточенностью вглядываясь в его грубую поверхность, поблескивающие сколы. Пока он смотрел, Огатир терпеливо ждал, потом забрал камень.

– В нем нет наконечника копья, – объявил он, – не тот размер, форма не та. Но нож есть, и не один. Чувствуешь? Сейчас я его открою.

Огатир аккуратно поставил камень на землю и ударил по нему другим камнем. Сбоку отскочил острый осколок.

– Вот и нож, – сказал он, – острый, но недостаточно. Смотри внимательно, следи за моими руками.

Он достал из мешка кусок оленьего рога и, положив каменный осколок на ребро, осторожно надавил тупым концом. Он сделал это несколько раз, и каждый раз от ножа отскакивала небольшая чешуйка. Когда он обработал камень по всей длине, лезвие оказалось тонко заточенным. Он передал его Амагасту, внимательно наблюдавшему за работой. Опытной рукой тот пропорол оленью шкуру от горла до паха.

– Никому из нашего саммада не отдает камень такие ножи, кроме тебя, – сказал Амагаст. – Пусть он тебя научит, мой сын: охотник без ножа – не охотник.

Керрик нетерпеливо схватил камни и ударил их друг о друга. Ничего не произошло. Он стукнул вновь камнем о камень – опять без успеха. И только когда Огатир, взяв его руки в свои, правильно расположил их, Керрику удалось отбить неровный осколок. Но он был доволен первым успехом и долго потом затачивал нож куском оленьего рога, пока не устали пальцы.

Огромный Хастила мрачно следил за их работой. Потом, зевая и потягиваясь, он выбрался из-под укрытия, принюхался, как Огатир, и зашагал вверх по склону. Гроза ушла, ветер налетал лишь изредка, слабейшими порывами, солнце проглядывало меж облаков. Только белые гребни волн еще бежали от горизонта – знак недавнего буйства стихии. Прибрежный гребень понижался к заросшей травой равнине. По ней медленно двигались темные силуэты. Пригнувшись, Хастила вернулся назад в убежище.

– Еще олени. Здесь хорошая охота.

– Лодка полна, – ответил Амагаст, отрезая кусок дымящегося мяса. – Добавить – потом.

– Кости ноют от лени, весь день провалялся, – буркнул Хастила, беря копьё. – Надо поучить мальчика, как следует подкрадываться к зверю, чтобы можно было поразить его острым наконечником. Пойдем, Керрик. Бери копьё и следуй за мной. Если выследим оленя, уьем. Я покажу тебе, как ползут против ветра к самому осторожному зверю.

Взяв копьё, Керрик вопросительно взглянул на отца. Жуя жесткое мясо, Амагаст кивнул:

– У Хастилы есть чему поучиться. Иди, он научит.

Со счастливым смехом Керрик побежал за Хастилой. Поравнявшись с ним, он замедлил шаг.

– Слишком шумишь, – заметил Хастила, – у всех лесных зверей хорошие уши: услышат тебя, прежде чем увидят.

Хастила остановился и поднял руку: тихо. Потом он приложил ладонь к уху, обратившись к впадине между дюн. Керрик слушал внимательно, но мог уловить лишь далекий рокот прибоя. Вдруг сквозь плеск волн он явственно расслышал треск со стороны дюны. Подняв копье, Хастила осторожно шагнул вперед. Керрик почувствовал, как заколотилось в груди сердце. Он следовал за рослым охотником, стараясь не издавать шума... Звук становился все громче.

Подкравшись к подножию дюны, они почуяли сладковатый отвратительный запах разлагающегося мяса. Там, вдали от лагеря, валялись ободранные туши оленей. Хруст стал громче. Послышалось жужжание бесчисленных мух. Хастила сделал знак Керрику, чтобы тот подождал, а сам быстро поднялся по склону. Отпрянув, он обернулся. Лицо его исказило отвращение, он махнул мальчику, зовя его к себе. Возле гребня Хастила вскинул копье, Керрик последовал его примеру. Что там? Кого они выследили? Охваченный одновременно страхом и любопытством, Керрик, пригнувшись, ринулся за охотником.

Хастила громко крикнул – и трое существ подняли головы, оторвавшись от своего мерзкого занятия, и замерли, напуганные внезапным появлением людей. Пушенное сильной рукой копье устремилось вперед и пробило грудь одному из чудовищ между передними лапами. Зашипев от страха, двое других побежали, переваливаясь на длинных ногах и вытянув хвосты и шеи.

Керрик замер с занесенным копьем. Мургу. Умиравший мараг отчаянно цеплялся когтями за пронзившее грудь копье. Он был очень похож на того, на берегу. Открытая пасть. Острые зубы. Кошмарная морда.

Хастила не глядел на мальчика, не замечал его страха. Жгучая ненависть овладела им. Мургу. Он их ненавидел. Распростертый у ног человека пожиратель падали – к перепачканной в крови морде прилипло гнилое мясо – слабо лязгнул зубами. Ногой оттолкнув голову марага, Хастила наступил ему на шею и выдернул копье. Бледная серая кожа твари была покрыта зеленоватыми, словно трупными, пятнами. Мараг был ростом с человека, но узкая голова его оказалась не больше кулака. Хастила вновь ударил копьем. Мараг вздрогнул и замер. Отмахиваясь от мух, охотник выбрался из ямы. Керрик опустил копье и старался сдержать дрожь. Заметив это, Хастила положил руку ему на плечо:

– Не бойся их. Пусть они и большие, но это всего лишь трусливые и грязные трупоеды. Тану их ненавидят и не боятся. Когда Ерманпадар сотворил наш народ из речного ила, он создал тогда и оленя, и прочих зверей, чтобы тану могли охотиться на них. Потом он поселил их в траве среди гор у сладкой воды и чистых снегов. А закончив дело, поглядел на юг и узрел всю пустоту его. Только он уже отошел от реки и слишком устал, а потому не стал возвращаться и лишь зачерпнул грязи из болота. Из нее-то он и сотворил мургу, и они так и живут, зеленые, грязные твари, чтобы после смерти снова превратиться в болотную жижу, из которой были созданы.

Говоря так, Хастила несколько раз вонзил копье в песок, очищая его от крови марага. После этого он слегка успокоился. Страх, охвативший Керрика, тоже исчез. Один мараг умер, остальные сбежали, скоро охотники оставят этот берег и вернуться к саммаду.

– А теперь я покажу тебе, как подбираться к дичи, – сказал Хастила. – Эти мургу были заняты едой, иначе услышали бы тебя: ты топал по склону, как мастодонт.

– Я шел тихо, – возразил Керрик. – Я умею ходить. Однажды я шел за белкой и подобрался к ней на длину копья...

– Белка – самая глупая, долгозуб – самый смысленый. Олень не умен, но слышит лучше всех. Я останусь здесь, а ты отойди в траву и попробуй подобраться ко мне. У меня слух оленя.

Керрик радостно побежал вверх по склону и, опустившись в густую траву, исчез. Молча, бесшумно, он отполз от берега, потом вновь повернул к океану. Стало жарко. Он вымок в прибрежной траве, но без толку – Хастила встретил его на полдороге.

– Внимательно смотри под ноги, прежде чем ступить, – сказал охотник, – а затем двигайся вперед и не топай. Раздвигай траву и не спеши. Попробуем снова.

Поблизости оказался крохотный пляж. Хастила спустился к воде и стал смывать с копья остатки крови марага. Керрик еще раз взобрался вверх по склону и остановился отдышаться.

– Ну сейчас ты меня не услышишь! – потрясая копьем, вызываяще крикнул он рослому охотнику.

Хастила махнул ему и оперся на копье.

Вдруг из пены прибоя неподалеку от него вынырнуло что-то темное. Керрик отчаянно крикнул, предупреждая, и Хастила резко обернулся, выставив копье. Что-то хрустнуло, словно сухая ветка. Охотник выронил копье, согнулся, схватившись за живот, и упал лицом в воду. Чьи-то лапы схватили его... Еще мгновение – и он исчез в пене волн.

С криком Керрик бросился к лагерю. Навстречу уже спешили Амагаст и Огатир. Пока они бежали обратно к пляжу, где разыгралось ужасное событие, мальчик, задыхаясь, рассказал о случившемся.

На песке никого не было, в океане тоже. Амагаст пошел в воду, выловил длинное копье и внимательно поглядел на море.

– А ты не видел, на что это было похоже?

– Я видел только лапы этой твари, – проговорил Керрик, стуча зубами. – Они протянулись из моря...

– Какого цвета?

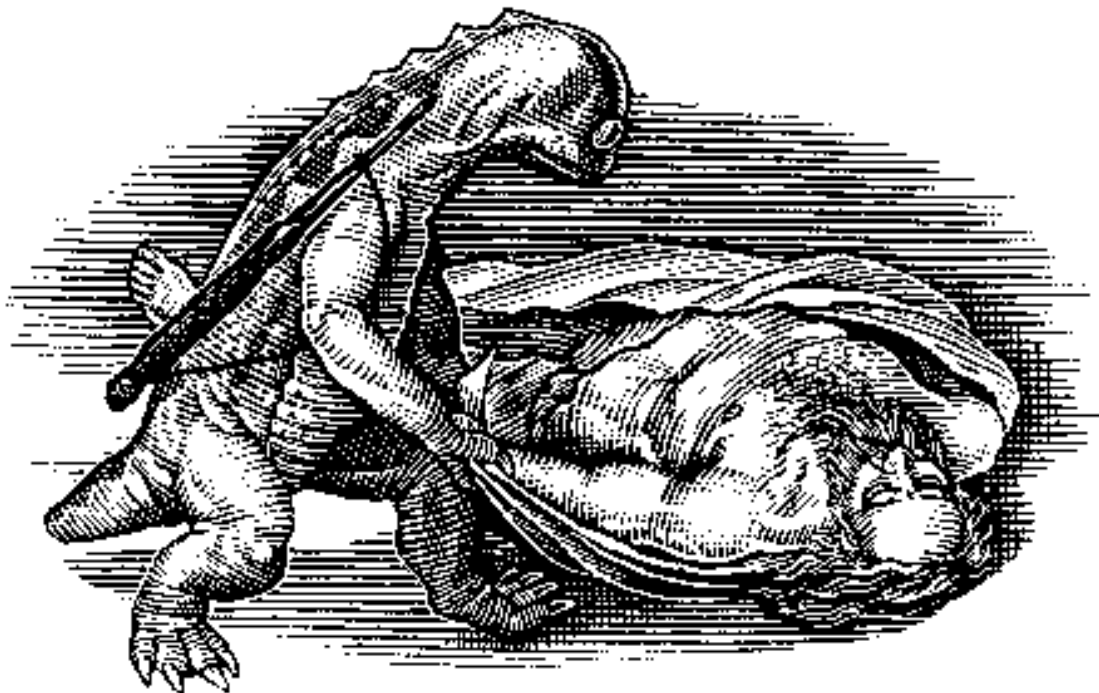
– Я не заметил, просто мокрые, – наверное, зеленые. Ведь могут же они быть зелеными, отец?

– Они могут быть любыми, – мрачно ответил Амагаст. – Повсюду одни мургу. Придется держаться всем вместе. Стеречь по очереди, пока остальные спят. Надо торопиться в саммад. В здешних водах нас ждет лишь смерть.

6

Alaktenke' alakte'kan olkeset; esetakolesnta< tsuntesnalak tsuntensilak satasat.

Что случается теперь, потом не имеет значения, ведь уже послезавтра неотличимо от позавчера.

Гроза миновала, дождь прекратился, земля дымилась под жгучими лучами солнца. Вейнте' стояла в жидкой тени засохшего дерева и следила, как работницы ровными рядами высаживали саженцы. Ваналпе' размечала гряды в земле, остальные следовали за нею. Она медленно подошла и встала в тень рядом с Вейнте', от жары широко раскрыв рот.

– Саженцы опасны? – спросила Вейнте'.

Тяжело дышавшая Ваналпе' сделала отрицательный жест.

– Потом, когда появятся колючки, через восемь-десять дней. Тогда их еще могут пожирать некоторые животные, но лишь до тех пор, пока шипы не начнут выделять токсины. Животным побольше они кажутся лишь горькими, для существ поменьше они ядовиты.

– Очередное твое нововведение? – спросила Вейнте', выходя из тени.

– Да, этот терновник выращивали еще в Инегбане, мы привезли с собой семена. Все мы так привыкли, что стены терновника вокруг городских полей куда выше головы, что забыли, быть может, – такими они были не от яйца времен. Много лет прошло, прежде чем они стали такими. Молодые ветви вырастают на старых, создавая непроходимый барьер. Но всякую новую ограду в новом городе всегда приходится сооружать по-новому. – Ей стало легче говорить: она наконец отдышалась, но, пока хоть часть ее тела оставалась на солнце, шевелиться ей было довольно трудно. – Новая ограда, которую я создала, растет быстро, живет долго, и она ядовита. Но еще задолго до того, как она погибнет, мы успеем посадить обычный терновник, он будет неторопливо расти и сменит временную ограду.

– А деревья? – спросила Вейнте', глядя на голые безжизненные силуэты посреди нового поля.

– Их убили. Смотри, с того высокого уже упали сучья. Их заразили самыми прожорливыми из жуков-древоточцев. Когда дерево съедят без остатка, личинки окуклятся. Тогда их можно собрать – куколки долго сохраняются в прочной оболочке. И мы сохраним их, пока они нам снова не понадобятся.

Вейнте' отодвинулась в тень и заметила, что почти все работницы тоже попрятались кто куда. Приятное утро становилось жарким и уже не годилось для работы.

– Когда окончите посадку, отошли работниц обратно в город, – велела Вейнте'.

Среди прочих работниц была и Энге. Вейнте' дождалась, пока та поглядела на нее, и знаком велела ей заканчивать работу. Энге знаком выразила благодарность, после чего заговорила:

– Ты велела снять путы с пленниц. Мы весьма благодарны.

– Не стоит. На урукето я велела связать вас, чтобы не попытались захватить судно и бежать.

– Ты не понимаешь Дочерей Жизни. Нам чуждо...

– Рада слышать, – сухо проговорила Вейнте', – но мой принцип – не рисковать. Теперь, когда урукето отправился назад, лишь леса остаются для недовольных своей судьбой, для тех, кто пожелает бежать. И не одна ты, все твои товарки будут теперь работать лучше.

– Но мы ведь по-прежнему пленницы...

– Нет, – твердо ответила Вейнте', – вы свободные жительницы Алпеасака, обладающие всеми правами граждан. Не следует путать то, что есть, с тем, что было. Совет Инегбана решил, что вы недостойны его гражданства, и сослал вас сюда, чтобы в новом городе вы начали новую жизнь. Надеюсь, вы поймете, что не следует повторять старых ошибок на новом месте.

– Ты грозишь нам, Вейнте'? Или как эйстаа Алпеасака считаешь нас не такими, как прочие жительницы, и объявляешь, что станешь относиться к нам иначе?

– Это не угроза, а предупреждение, моя эфенселе. Учись на том, что случилось. Верьте во что угодно, но среди своих и все свои тайны держите при себе. Я запрещаю вам разговаривать с остальными. Они не желают знать вашей чуши.

– А тебе откуда это известно? – сурово спросила Энге. – Или ты настолько мудра?

– Достаточно мудра, чтобы видеть в вас источник беспокойства, – отрезала Вейнте'. – И уверена в этом настолько, чтобы позаботиться о мерах предосторожности: за вами будут следить. Уж здесь вы не сумеете натворить такого, как в Инегбане. Я куда менее терпелива, чем тамошний совет.

Пока она говорила, Энге едва шевельнулась.

– Ну какое от нас беспокойство? Мы не пытаемся ничего... Мы просто верим...

– Прекрасно. И верьте где-нибудь в темном углу, где вас никто не услышит. Я не потерплю никаких проповедей в моем городе.

Вейнте' ощутила, что снова начинает терять самообладание перед твердой, словно скала, невозмутимостью Энге с ее странной верой. Поэтому она с облегчением вздохнула, заметив, что к ней торопится фарги с какой-то вестью.

Молодая говорила невнятно, но главное Вейнте' поняла.

– Город... идет одна... имя Сталлан. Говорит, важные новости... требуется присутствие. Вейнте' знаком отпустила ее, повернулась спиной к Энге и направилась в город.

Сталлан ожидала ее, во всем ее облике чувствовалась радость.

– Ты выполнила мое распоряжение? – спросила Вейнте'.

– Выполнила, эйстаа. Я преследовала зверей-убийц и догнала их. Я выстрелила и убила одного из них и возвратилась с его телом. Оно здесь. Я оставила никчемную Хексеи приглядывать за ним. Кое-что в этом устузоу беспокоит меня.

– Что именно? Скажи мне.

– Надо показать, чтобы ты поняла.

Сталлан молча повела ее в часть города, примыкавшую к реке. Хексеи сторожила большой тугой тюк. Кожа ее была испачкана и расцарапана. Едва они появились, она сразу же протестующе заскулила. Не говоря ни слова, Сталлан ударила ее по голове и толкнула на землю.

– Небесполезная – хуже, – прошипела Сталлан. – Ленивая, шумная на охоте, переполненная страхом. Из-за нее мне пришлось медлить, и нас обеих чуть не убили. Она не нужна мне.

– И Алпеасаку тоже, – быстро рассудила Вейнте'. – Оставь нас. Оставь город.

Хексеи начала было протестовать, но Сталлан жестоко ударила ее по лицу, и Хексеи бросилась бежать. Ее вопли терялись в воздушных корнях и листьях. Вейнте' мгновенно выбросила из головы никчемное создание и указала на тюк:

– Это и есть кровожадный убийца?

– Да.

Сталлан потянула за край шкуры, и на влажную землю скатился труп Хастилы.

При виде его Вейнте' онемела, и лишь жесты ее выдавали ужас и изумление. Одолев отвращение, она медленно шагнула вперед, ткнула тело ногой.

– Их было четверо, этих существ, – начала Сталлан, – Все остальные меньше этого. Я их нашла и следовала за ними. Они не шли по берегу, а плыли по океану. И не в лодке, а в дереве, опущенном в воду, и они толкали его вперед кусками дерева. Я видела, как они убивали других лохматых зверей. Самцов и стражниц они убили тем же образом. Они не используют при этом ни зубов, ни рогов, ни когтей. Видишь, рогов у них нет, а зубы и когти слишком слабые и маленькие. И убивают они чем-то вроде острого зуба, прикрепленного к длинной палке.

– Эти лохматые твари умеют многое. Мозги у них есть.

– Мозги есть у всех тварей, даже у примитивных хесотсанов. – Сталлан погладила свисавшее с плеча оружие. – Но если правильно обращаться с хесотсаном, то он неопасен, не то что эти. Погляди внимательнее на него, если тебе угодно. Видишь, много шерсти на самом верху тела, на голове. А вот этот мех внизу не принадлежит существу, а обвязан вокруг него. У него был мешок, а в мешке я обнаружила заостренный кусок камня. Смотри, обвязанную шкуру можно снять, под ней его собственный мех.

– Это самец! – воскликнула Вейнте'. – Неужели покрытые шерстью самцы устузоу, полужвери с неразвитым мозгом, осмелели настолько, что угрожают нам, иилане'? Ты это хотела сказать мне? Что эти уродливые звери опасны для нас?

– Думаю, так, Вейнте'! Но ты эйстаа, тебе и решать, что есть что. А я просто рассказала тебе все, что знаю, и показала свою добычу.

Зажав большими пальцами твердый острый камень, Вейнте' долго разглядывала труп, потом сказала:

– Выходит, даже устузоу могут развиваться до низкого уровня интеллекта и хитрости. Наши лодки понимают некоторые команды. Энтиисената можно научить разыскивать в море пищу. Кто может сказать, какие странные вещи творились в этом дальнем уголке мира от яйца времен? Пора разобраться с этим. Здесь нет иилане', которые повсюду правят и властвуют. А потому, вероятно, – и это трудно отрицать, ведь свидетельство перед нашими глазами, – что некий вид этих отвратительных млекопитающих может развить в себе какую-то форму извращенного интеллекта, которого им хватает, чтобы научиться отыскивать камни и убивать ими. Да, такое возможно. Но им следовало оставаться в своем лесу, убивая и пожирая друг друга. А они вылезли оттуда. Напрасно, это была их ошибка. Червяки, самцы, червяки... они убили наших самцов! Слушайте и запоминайте, что следует делать. Устузоу надо разыскать и уничтожить всех до последнего. У нас нет выбора, пока город будет находиться здесь, у этих пляжей. По силам ли нам такое?

– Мы должны это сделать. Но следует навалиться всей силой, взять из города всех, кого только можно... И все должны быть вооружены хесотсанами.

– Но ты говорила, что их было только четверо? Значит, трое еще живы...

Вейнте' поняла, что охотница обнаружила небольшую группу, ушедшую на север.

– Едва ли это все... Где же их искать?

– Должны быть и другие. Эта горстка по каким-то причинам отбилась от своих. А теперь они возвращаются. Я уверена в этом. Мы должны выступить все вместе и найти их.

– И перебить!.. Конечно. Я отдам приказ, и мы выступим немедленно.

– Но это неразумно: день клонится к вечеру, и нас много. Если уйти на рассвете, на самых лучших и сытых лодках, мы легко догоним их: они еле плетутся. А по следу найдем остальных.

– И перебьем, как они перебили самцов. Хороший план. Пусть эту тварь возьмут на амбесид и повесят всем на обозрение. Нам понадобятся припасы, пресная вода на несколько дней, чтобы не останавливаться.

Во все части города разбежались фарги с приказом собраться на амбесид. Вскоре он буквально кишел иилане', как никогда прежде. Рассерженно бурча, они расталкивали друг друга, чтобы увидеть тело. Вейнте' уже вступала на амбесид, когда вдруг заметила, что Икеменд подает ей знаки, и остановилась.

– На пару слов, эйстаа.

– Опять что-нибудь случилось с самцами? – с внезапным страхом спросила Вейнте'.

Икеменд, ее эфенселе, была назначена на очень важный пост – ведать охраной и защитой самцов. Даже короткий допрос бывшей главной стражницы показал, что причиной трагедии на пляже была ее халатность. И когда Вейнте' лишила ее имени, виновная умерла.

– Все в порядке. Просто самцы узнали о мертвом устузоу и хотят его видеть. Можно ли разрешить им?

– Конечно, они не дети. Но только потом, когда амбесид освободится. Нам не нужны истерики.

Внимания Вейнте' искала не только Икеменд. Путь ей преградила Энге, не пожелавшая отойти, даже когда ей приказали.

– Я слыхала, что ты решила снарядить погоню за лохматыми зверями и убить их.

– Ты слыхала правильное слово. Сейчас я собираюсь объявить об этом.

– Прежде чем ты это сделаешь, я должна предупредить. Я не одобряю убийства. И все Дочери Жизни тоже. Это противоречит нашим убеждениям. Мы не можем участвовать в кровопролитии. Животные являются животными, потому что не знают о смерти. И убивать их просто так нельзя. Мы убиваем, только когда голодны. Все остальное – убийство. Ты должна понять, что мы не можем...

– Молчать! Сделаешь, как тебе прикажут. Иначе станешь предательницей.

– То, что ты называешь предательством, мы называем Даром Жизни, – холодно возразила Энге. – У нас нет выбора.

– Зато у меня есть. Я могу приказать немедленно перебить всех до последнего.

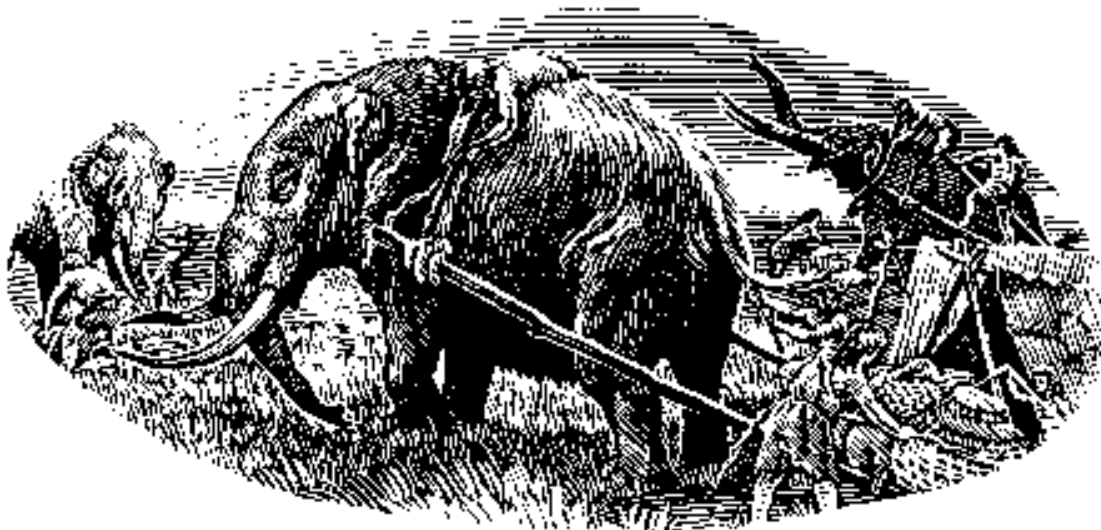
– Можешь. Но тогда ты сама будешь виновата в убийстве.

– Я почувствую не вину, а только гнев. И ненависть вместе с презрением к моей эфенселе, которая предает свой народ. Я не убью тебя: вы нужны мне для тяжелой работы. Все твои будут закованы до нашего возвращения. И ты вместе с ними. Ты лишаешься своих привилегий. Я отказываюсь от тебя, ты больше не моя эфенселе. Будешь работать со своими Дочерьми и умрешь среди них. Ничья эфенселе, презренная предательница. Вот твоя участь.

7

Alitha thurlastar, hannas audim senstar, linga periar amlī, sammad aga deinarmal na mer ensi edo.

Оленя убивают, мужчина гибнет, женщина стареет, только саммад живет.

Керрик, как обычно, сидел на корме лодки и приглядывал за огнем. Но это была детская работа, а он хотел грести вместе со всеми. Амагаст разрешил ему попробовать, но весло оказалось огромным, и мальчик не справился с ним. Наклонившись, он шурил глаза, вглядываясь в туман, но ничего не мог разглядеть. Детскими голосами рыдали над головой невидимые морские птицы. Лишь мерный рокот волн где-то слева позволял выдерживать направление. Все помнили про Хастилу, утянутого под воду, и изо всех сил налегали на весла: люди хотели наконец закончить путешествие.

Керрик понюхал воздух, поднял голову, вновь понюхал.

– Отец! – окликнул он Амагаста. – Дым, я чувствую дым!

– И мы, и мясо пахиваем дымом, – сказал Амагаст, налегая на весло. Неужели саммад близок?

– Нет, это не наш запах! Свежий – его несет ветер спереди. Послушай волны, разве они не переменились?

Волны действительно стали другими. Дым еще можно было перепутать с запахом шкур и мяса. Но не волны. Звук их становился все тише. И вот там, где в море вливалась большая река, показались шатры саммада. Набегавшие с океана валы затихали в потоке пресной воды.

– К берегу! – приказал Амагаст, сильнее наваливаясь на весло.

Небо светлело, туман расходился. За криками чаек путешественники услышали женский голос и ответили на зов.

Едва солнце пробилось сквозь туман, молочная пелена его стала рассеиваться быстрее. Отчетливо проступил берег. Шатры, дымящиеся костры, мусорные кучи – знакомый домашний беспорядок. Лодку заметили, поднялся громкий крик. Люди повыскакивали из палаток. Все радостно кричали. С лужайки, где паслись мастодонты, доносились знакомые трубные звуки. Наконец-то дома...

Мужчины и женщины, стоя по колено в воде, радостно махали прибывшим. Но радостные крики быстро умолкли, едва пересчитали вернувшихся. На охоту отправились пятеро. Верну-

лись только трое. Едва днище лодки закрипело о песок, ее подхватили и вытащили на берег. Все молчали. Только Алет, женщина Хастилы, в ужасе вскрикнула, вскоре к ней присоединились голоса женщины и детей Дайкина.

– Оба мертвы, – сразу сказал Амагаст, чтобы ни у кого не оставалось напрасных надежд, чтобы погибших не ждали более. – И Дайкин, и Хастила. Они среди звезд. Многие ли отсутствуют в саммаде?

– Алкос и Кассис отправились вверх по реке за рыбой, – сказала Алет. – Только их нет.

– Пошлите за ними, – распорядился Амагаст. – Собирайте шатры, грузите на животных. Сегодня же уходим в горы.

Поднялся шум, все запротестовали: люди не были готовы вот так срываться с места. Во время перехода стоянку можно сворачивать хоть каждое утро: в походе все всегда под рукой. Не так было сейчас. Летняя стоянка раскинулась по обоим берегам небольшой речки, и шатры, меха, корзины и прочий скарб в беспорядке были разбросаны по всему лагерю.

Огатир громко закричал, заглушая плач женщин:

– Делайте, как велел Амагаст, или мы все погибнем в снегах! Поздняя осень, дальняя дорога!

Ничего более Амагаст не стал говорить. Причина эта была не хуже прочих. Во всяком случае, лучше, чем истинная, которую нечем было подтвердить. Он чувствовал, что за ними следят. Ему ли, охотнику, не знать, что чувствуешь, когда из охотника становишься добычей. А весь этот день и день перед сегодняшним днем он испытывал на себе чей-то взгляд. Сам он не видел никого, и море было пустынным, когда глаза его обращались к волнам. Но он чувствовал, что там есть что-то. И не мог забыть, что Хастилу утянуло под воду и волны не отдали тело. Теперь Амагаст хотел поскорее убраться отсюда, сегодня же. Следовало быстрее собрать травоисы, привязать их к мастодонтам и отвернуть лицо от моря и от всего, что кроется в нем. Пока они вновь не окажутся среди родных гор, он не сможет почувствовать себя в безопасности.

И хотя он заставил всех работать не покладая рук, чтобы собраться, потребовался целый день. Нелегкое дело – сворачивать летний лагерь. Разбросанные вещи надо было собрать и упаковать, не забыть переложить шупальца хардальтов с сушильных шестов в корзины. Для всех припасов корзин не хватило, и, когда Амагаст приказал, чтобы часть добычи оставили, начались жалобы и стоны. Не было времени даже оплакать мертвых, пора было трогаться.

Солнце уже опускалось за горы, когда они наконец собрались. Придется идти всю ночь – не впервые. На чистом небе узеньким серпом сиял месяц, тхармы воинов ярко горели над головами, они помогут найти путь. После долгих уговоров, трубя и размахивая хоботами, отвыкшие от упряжки мастодонты позволили запрячь себя. Они разрешили мальчишкам забраться на мохнатые спины и, медленно вращая глазами, следили, как привязывают шесты. По два шеста к каждому зверю, они закреплялись по обоим бокам, между шестами привязывались поперечины, на них грузили шатры и припасы.

Керрик сидел на спине огромного самца Кару. Он устал, как и все, но радовался, что саммад наконец уходит. Уж он-то больше всех хотел оказаться как можно дальше от океана. Из всего саммада лишь он один видел руки, утащившие Хастилу под воду. Темные руки океана, морской скользкой твари...

Он глядел на море, и вдруг его оглушительный вопль прорезал общий шум. Все умолкли, повернувшись к океану, а он показывал туда рукой и кричал.

Из вечерней темноты появились черные силуэты. Низкие черные лодки без весел неслись вперед, гораздо быстрее любой лодки тану, прямой и четкой линией, словно набегающая на берег волна. Они не остановились в воде, а влетели на берег, и из них показались фигуры мургу.

Когда они начали вылезать из лодок, старый Огатир был возле воды и ясно видел их. И понял, что это.

– Из тех, что мы убивали на пляже!

Ближайший к нему мараг поднял длинную палку и сжал ее обеими руками. Раздался громкий треск, боль пронзила грудь Огатира, и старик упал.

Треск раздавался со всех сторон. Он заглушал крики ужаса и боли.

– Они бегут! – кричала Вейнте, посылая атакующих вперед. – За ними! Чтобы ни один не ускользнул!

Она первой ступила на берег, это ее хесотсан сразил первого устузоу. И она хотела только убивать...

Это была бойня, а не битва. Иилане' убивали без разбора все живое: мужчин, женщин, детей, животных. Среди нападавших убитых почти не было. Охотники даже не успели взять луки. Они рванулись вперед с копьями в руках, но были сражены прежде, чем сумели воспользоваться оружием.

Тану оставалось только бежать, вышедшие из моря убийцы преследовали их. Перепуганные женщины с детьми пробежали мимо Кару, и мастодонт, высоко подняв голову, испуганно затрубил. Керрик отчаянно вцепился в густую шерсть, чтобы не свалиться, а потом по длинной жерди сполз на землю и побежал за копьем. Вдруг сильная рука схватила его и повернула.

– Беги! – приказал отец. – Спасайся в горах!

Амагаст стремительно повернулся: из-за мастодонта появился один из мургу и перепрыгнул через деревянный шест. Пока фарги прицеливалась, Амагаст пронзил его копьем и тут же вырвал его.

Вейнте' увидела, как упала убитая, и ее охватила жажда мести. Окровавленный наконец-ник был обращен теперь к ней, но она и не думала спастись – она стояла, подняв хесотсан, и, несколько раз нажав на него, быстрыми выстрелами повалила устузоу, прежде чем тот сумел добежать до нее.

Маленького устузоу она не заметила, пока острая боль не пронзила ногу... Заревев от боли, она свалила это существо наземь, ударив тупым концом хесотсана.

Рана оказалась болезненной, но не серьезной, однако Вейнте' потеряла много крови. Пока она осматривала рану, ярость утихла. Вейнте' переключила внимание на схватку вокруг.

Битва заканчивалась. Едва ли кто-нибудь из устузоу остался в живых. Одни трупы валялись повсюду – среди корзин, на шестах и шкурах. Атаковавшие с моря уже соединились с теми, кто заходил с тыла. В юности, охотясь в море, они часто брали добычу в кольцо. На земле этот прием тоже превосходно сработал.

– Сейчас же прекратите убивать! – приказала Вейнте'. – Передайте всем! Остановитесь! Мне нужно несколько живых. Я хочу поподробнее узнать об этих лохматых зверях.

Это были просто животные, умеющие использовать острые камни, – она уже понимала. Еще они могли делать разные предметы, обладали примитивной социальной организацией, умели использовать крупных животных – их теперь убивали, пресекая паническое бегство. Все свидетельствовало о том, что раз существует одна такая группа, значит есть и другие. А если так, необходимо узнать все, что возможно, об этих животных.

У ног ее шевельнулся и заскулил малыш, которого она свалила хесотсаном. Она позвала оказавшуюся рядом Сталлан:

– Охотница, свяжи этого, чтобы не убежал. Брось в лодку.

В мешке на ремешках у нее еще остались иглы. Следует возместить истраченные в бою. Хесотсан сыт и будет стрелять еще некоторое время. Она ткнула его пальцем, отверстие открылось – можно было вставлять новые иглы.

Появились первые звезды, последний красный мазок заката таял за горами. Вейнте' жестом велела фарги принести плащ из лодки и с удовольствием укуталась в его теплую полость. Привели пленников.

– Это все? – спросила она.

– Нашими воинами трудно управлять, – ответила Сталлан. – Когда начинаешь убивать, трудно остановиться.

– Полно, я знаю сама. Все взрослые убиты?

– Все. Этот детеныш прятался под шкурой, я вытащила его. – Она тащила ребенка за длинные волосы, тот выл от боли. – Этого, самого маленького, я нашла за пазухой убитой матери. – Она протянула младенца нескольких месяцев от роду.

Вейнте' с отвращением поглядела на крошечное безволосое создание в руках охотницы, привычной ко всяким отвратительным существам... Ей стало дурно от мысли, что она может прикоснуться к подобной твари! Но она – Вейнте', она – эйстаа и должна уметь все, на что способна простая иилане'. Медленно протянув руки, она взяла егозящее существо. Оно было теплым, теплее плаща, даже горячим. Приятная теплота на миг убавила отвращение. Пока она, разглядывая, крутила беспомощного младенца, тот раскрыл розовую беззубую пасть и завопил. Струйка горячих экскрементов потекла по руке Вейнте'. Недолгое приятное ощущение вновь сменилось отвращением.

Слишком уж, слишком отвратительное создание. Размахнувшись, она с размаху швырнула его на ближайший камень. Существо умолкло, а Вейнте' направилась к воде отмываться, по пути крикнув Сталлан:

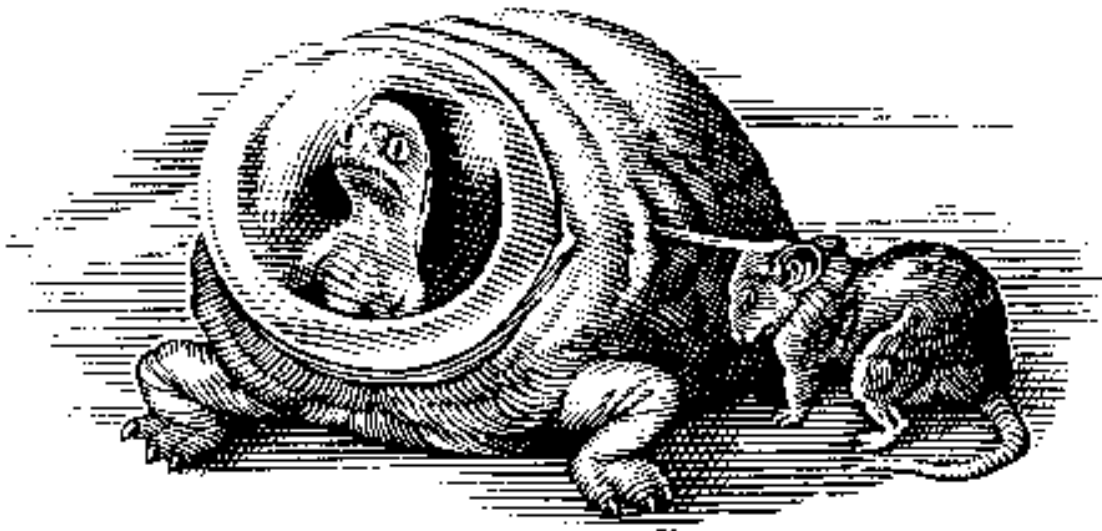
– Довольно. Вели всем возвращаться в лодки. Только пусть убедятся, что живых больше нет.

– Уже сделано, высочайшая. Все убиты. Конец им.

«Так ли? – думала Вейнте, погружая руки в воду. – Конец ли?» Победа не принесла радости, почему-то ее охватило глухое уныние.

Конец... или только начало?

8

Энге прижалась к стене, наслаждаясь теплом нагревателя. Хотя солнце уже встало, в городе еще чувствовался утренний холодок. Вокруг пробуждались растения и животные, населяющие Алпеасак. Все было обычно, ничто не привлекало внимания. Под ногами решетчатый пол, уложенный на толстый слой сухих листьев. В листьях шуршали жуки и другие насекомые, копошилась мышь. Начинающийся день пробуждал жизнь. Высоко в небе над кроной огромного дерева светило солнце. Водяные пары уходили из устьиц листьев, их сменяла вода, медленно поднимающаяся по сосудам деревьев, лиан, ползучих растений; миллионы корневых волосков впитывали эту воду из почвы. Брошенный плащ присосался щупальцами к соконосу.

Для Энге все было естественно, словно воздух – переплетение взаимосвязанных жизненных форм вокруг. Иногда она думала об этом. Но не сегодня, только не после того, как она услышала... Подумать только – гордиться истреблением целого вида! Как хотела она поговорить с этими глупыми хвастуньями, объяснить им значение жизни, заставить их понять весь ужас преступления, которое они совершили. Жизнь уравнивает смерть, словно море – воздух. И если ты убиваешь жизнь – убиваешь себя саму.

Какая-то фарги, потянула ее за связанные руки. Она не понимала, зачем эта веревка, и не знала, как следует обращаться к Энге. Юная фарги видела, что Энге из высочайших, но ведь руки ее связаны, как у низжайшей... У нее не хватало слов, и только прикосновением она могла привлечь к себе внимание.

– Эйстаа хочет, чтобы ты пришла, – сказала фарги.

...Когда Энге вошла, Вейнте сидела на троне из живой коры городского дерева. На столе возле нее находились запоминающие существа. От лба одного из них отходил волосок, тянувшийся в складку угункшаа, говорителя-памяти. Угункшаа негромко бормотал, а на органической линзе его шевелилось черно-белое изображение той иилане, что наговорила в запоминающее животное. Вейнте выключила угункшаа, едва Энге вошла, и взяла в руку каменный наконечник копья, лежавший рядом.

– Приблизься, – приказала она.

Энге подчинилась. Схватив каменное лезвие, Вейнте замахнулась им... Энге не дрогнула, не отшатнулась. Вейнте схватила ее за руку.

– В тебе нет страха, – сказала она, – но ты видишь, как остер этот камень, он не хуже наших струнных ножей.

Она сняла живые путы, и руки пленницы освободились. Энге осторожно потерла кожу.

- Ты освобождаешь нас всех? – спросила она.
- Не будь слишком жадной. Только тебя, мне необходимы твои знания.
- Я не стану помогать тебе убивать.
- Этого от тебя и не требуется. С убийствами закончено.

На время, подумала она, понимая, что об этом Энге лучше не говорить. Солгать она не могла, сама идея лжи была ей абсолютно чужда, как и всем иилане'. Невозможно лгать, когда каждое движение тела выдает тебя. Иилане' могли утаить свои мысли, только умолчав о них. И в такой скрытности Вейнте' была весьма опытна. Теперь она прибегла к ней потому, что нуждалась в помощи Энге: пришло время учиться.

- Когда-то ты, кажется, занималась языками?
- Ты знаешь это, мы занимались вместе с Иилеспен, я была ее первой ученицей.
- Была. Первой и лучшей. Прежде чем тебе в голову пролезла гниль. Я помню, ты наблюдала, как общаются дети, а иногда и сама прибегала ко всяким дурачествам, чтобы привлечь их внимание. Я знаю, ты даже подслушивала разговоры самцов. Это озадачивает меня. Слушать этих глупцов, глупейших из глупых... Что можно от них узнать?

– У них особый язык, они общаются на нем, когда нас нет поблизости...

– Я говорю не об этом. Я имею в виду – зачем изучать подобное? Какая разница, как они говорят?

– Это очень важно. Мы – это язык, язык – это мы. Нет языка – и мы немые. Ничем не лучше животных. Подобные размышления и исследования и подтолкнули меня к великой Угуненапсе и ее учению.

– Было бы куда лучше, если бы ты занималась лишь языком и не лезла, куда не следует. Те из нас, кто становится иилане', должны, вырастая, научиться говорить. Это факт, иначе ни тебя, ни меня не было бы здесь. Разве можно научить молодую разговаривать? Сама эта идея, на мой взгляд, отвратительна и глупа. Такое возможно?

– Возможно, – ответила Энге. – Я делала подобное. Это нелегко, большинство молодых не хотят ничего слушать, но такое возможно. Я использовала методику дрессировки лодок.

– Лодки глупы, как плащи: они умеют понимать лишь несколько команд.

– Но метод тот же.

– Хорошо... – Вейнте' искоса внимательно взглянула на нее и заговорила, осторожно подбирая слова: – Значит, ты можешь научить животное говорить и понимать тебя?

– Только понимать – не говорить. Несколько простейших команд, если мозг его достаточно велик. Чтобы говорить, нужен голосовой аппарат и области мозга, которых нет у животных.

– Но я слыхала, как животные говорят.

– Не говорят, а повторяют заученные звуки. На такое способны и птицы.

– Нет, я имею в виду речь. Общение между собой.

– Это невозможно.

– Я говорю о лохматых животных, о грязных устузоу.

Энге начала понимать, что Вейнте' имеет в виду, и, вздохнув, кивнула:

– Если у этих существ есть кое-какой разум – а грубые орудия свидетельствуют об этом, – не значит ли это, что они могут и разговаривать между собой? Весьма необычная мысль. Ты слыхала, как они говорят?

– Слыхала. И если ты захочешь – тоже услышишь. Мы доставили сюда двоих. – Она махнула проходящей фарги. – Разыщи охотницу Сталлан и немедленно приведи ко мне.

– Как себя чувствуют животные? – осведомилась Вейнте', когда Сталлан появилась.

– Я вымыла их, обследовала повреждения – одни синяки. И весь этот грязный мех тоже убрала с головы. Покрупнее – самка, меньший – самец. Они пьют воду, но ничего не едят из того, что я предлагала. Только будь осторожна с ними.

– Я не собираюсь к ним приближаться, – ответила Вейнте', вздрогнув от отвращения. – К ним отправится Энге.

Сталлан повернулась к пленнице:

– К ним следует всегда стоять лицом. К дикому зверю нельзя поворачиваться спиной. Маленький кусается. У них когти, я для безопасности связала их.

– Я сделаю так, как скажешь.

– И еще... – сказала Сталлан, достав небольшой мешочек. – Когда я чистила зверей, на шее самца оказалось вот это. – Она положила небольшой предмет на стол перед Вейнте'.

Это было что-то вроде ножа, сделанного из металла. На тупом конце его было пробито отверстие и нацарапаны какие-то рисунки. Вейнте' нерешительно потрогала его большим пальцем.

– Тщательно сработано, – произнесла Сталлан.

Вейнте' взяла предмет и принялась изучать его.

– Рисунки мне понятны, металл неизвестен, – сказала она. – Где эти животные могли найти такое? Кто это сделал? И металл... откуда взялся металл? – Кончиком пальца она попробовала лезвие. – Совсем тупой. Зачем он?

Ответов на эти вопросы не было, да Вейнте' их и не ожидала. Она передала кусок металла Энге:

– Вот еще одна тайна, которую ты должна разгадать, когда выучишь язык этих существ.

Энге посмотрела на него и вернула Вейнте'.

– Когда я могу их увидеть? – спросила она.

– Сейчас же, – ответила Вейнте'. Она сделала знак Сталлан. – Отведи нас к ним.

Сталлан привела их по коридорам города к темному и высокому проходу. Знаком приказав соблюдать молчание, она распахнула окошко в стене. Вейнте' и Энге заглянули в комнату. Других отверстий не было – свет проходил только через прочный экран высоко над головой.

На полу лежали два отвратительных небольших существа, словно две капли воды похожих на убитого, труп которого Энге видела на амбесиде. Голая кожа на голове была исцарапана: их побрили. Без меха на голове и этих вонючих шкур, в которые они кутались, было видно, что они полностью покрыты противной, воскового цвета шкурой без каких-либо оттенков. Самочка, что была покрупнее, лежала ничком. Она то и дело подвывала. Самец сидел возле нее на корточках и издавал негромкие ворчащие звуки. Так продолжалось довольно долгое время, наконец вой утих. Тогда самка начала издавать и другие звуки. Вейнте' жестом велела Сталлан закрыть окошко и идти.

– Может быть, это их речь, – взволнованно произнесла Энге. – Но они почти не шевелятся, когда издают звуки, меня это смущает. Потребуется исследование. Интересна сама концепция: на чем основывается совершенно чуждый язык устузоу, так отличающихся от всех известных животных. Огромная, потрясающая задача.

– В самом деле. Настолько потрясающая, что я приказываю тебе научиться их речи и уметь разговаривать с ними.

Энге знаком выразила согласие.

– Ты не можешь приказывать мне мыслить, эйстаа. Даже твоя власть не простирается в чужой разум. Я буду изучать речь этих животных, потому что хочу этого.

– Меня не интересуют выдуманные тобой причины, если ты повинешься.

– А зачем ты хочешь понимать их? – осведомилась Энге.

Вейнте' тщательно выбирала слова, чтобы не выдать истинные намерения.

– Как и ты, я нахожу нелепой мысль о том, что животные могут разговаривать. Или ты считаешь меня не способной к умственной работе?

– Прости мое недоверие, Вейнте'. В нашем эфенбуру ты во всем была первой. Ты вела нас, потому что все понимала, а мы нет. Когда начать?

– Сейчас. В этот миг. Что ты будешь делать?

– У меня нет пока идей, ведь никто раньше не делал ничего подобного. Разреши мне подойти к окну и послушать. Быть может, у меня появится план.

Вейнте' молча удалилась, невероятно довольная тем, что ей удалось совершить. Сотрудничество Энге было необходимо. Если бы она отказалась, пришлось бы послать сообщение в Инегбан, а потом долго ожидать, пока там подберут и пришлют кого-нибудь, способного общаться с дикими зверями. Если только они и впрямь разговаривали, а не издавали случайные звуки. Это Вейнте' хотела знать немедленно: существование этих зверей сулило еще не одну беду. Следовало знать все – для безопасности города.

Прежде всего она должна знать, где и как живут лохматые звери. Как размножаются. Это первый этап.

А потом их надо будет убить. Всех. Стереть с лица земли. Ведь, несмотря на примитивный рассудок и грубые каменные орудия, они просто жалкие звери. Но смертельно опасные, способные убивать без пощады... даже самцов и молодняк. Устузоу погибнут.

Из тьмы, задумавшись, Энге следила за существами. Вейнте' ни единым словом, ни единым жестом не выдала своих намерений. Одно неверное движение – и Энге наверняка раскусила бы ее. Но этого не произошло, и все мысли Энге полностью были поглощены захватывающей лингвистической проблемой.

Почти половину дня она молча наблюдала, слушала, смотрела, тщетно пытаясь что-либо понять. Но так ничего и не поняла. К концу дня, правда, появились некоторые проблески плана дальнейших действий. Она закрыла окошко и отправилась на поиски Сталлан...

– Я буду с тобой, – проговорила охотница, отпирая дверь, – они опасны.

– Недолго. Потом они успокоятся, и я смогу быть с ними одна. Тогда ты будешь стоять снаружи. Я позову если понадобится.

Легкая дрожь пробежала по гребню Энге, пока Сталлан открывала дверь. Она ступила внутрь; от мерзкой вони, издаваемой животными, ее затрясло. Как в логове зверя. Но разум одолел физическое отвращение, и Энге не вздрогнула, когда за ней затворилась дверь.

9

*Kennep at halikaro, kennep at hargoro, ensi naudinz ar san eret skarpa
tharm senstar et sano lawali.*

*Мальчик может быть легконогим и сильноруким, но он не охотник,
пока тхарм зверя не будет извлечен наконечником его копья.*

– Они убили мою мать, они убили брата, я видела, – говорила Исель. Она уже перестала отчаянно рыдать, но глаза еще были полны слез и щеки мокры от соленой влаги. Она утерлась тыльной стороной руки и вновь ошупала бритую голову. – Они убили всех.

А мальчик ни разу не всхлипнул. Быть может, потому, что девчонка всю дорогу захлебывалась визгом. Она была старше его на пять или шесть лет, но орала словно младенец. Керрик понимал ее, плакать – дело простое. Нужно только внутренне сдаться. Но он не сдавался. Охотник не плачет, а ведь он уже был на охоте. С отцом, величайшим из охотников. С Амагастом. Теперь он мертв, как и все из саммада. К горлу Керрика подкатил комок при этой мысли, но он не заплакал. Охотник не плачет.

– Керрик, они не убьют нас? Не убьют, ведь правда же? – спросила Исель.

– Да.

Она обняла мальчика и вновь зарыдала. Это было неправильно. Только маленькие дети ведут себя подобным образом. И хотя это было запрещено, он не мог скрыть удовольствия от ее прикосновения. Он тронул ее небольшие плотные грудки. Он прикоснулся к ним еще раз, она оттолкнула его и зарыдала еще громче. Он встал и с пренебрежением отошел. Глупая девчонка, она никогда не нравилась ему. Они прежде даже никогда не разговаривали. Но теперь их осталось двое, и она, видите ли, решила, что их отношения изменились. Она решила, но только не он. Как было бы хорошо, если бы на ее месте оказался кто-нибудь из его друзей. Но все они убиты – воспоминание это пронзило его. Из всего саммада никто не остался в живых. Теперь их очередь. Исель не понимает этого, не понимает, что сами они не в состоянии ничего сделать.

Он снова и снова внимательно оглядывал помещение, но в деревянной пещере не было ничего: ни палки, ни камня – словом, никакого оружия. Не было и пути к спасению. Тыквы с водой слишком легки. Ими и ребенка не ушибешь. Тем более мургу, притащивших их сюда.

Взяв одну из тыкв, он глотнул – в пустом желудке заурчало. Он был голоден, но все-таки не настолько, чтобы есть это мясо. От одного вида мерзкой снеди его тошнило. Ни сырое, ни жареное: оно липкой массой свисало с кости. Он тронул мясо пальцем, и его передернуло. Вдруг дверь скрипнула и отворилась.

Исель прижалась к стене и отчаянно завопила, закрыв глаза. Керрик же, наоборот, встал лицом к двери, стиснул кулаки. Он жалел только, что у него нет копья... Если бы только было копье...

На этот раз появились два мургу; может, он уже видел их, может, нет. На первый взгляд никакой разницы, все они на одно лицо. Огромные, чешуйчатые, толстохвостые, они были покрыты отвратительными пятнами, на спинах топорщились уродливые гребни. Эти мургу ходили как тану и умели брать предметы уродливыми клешнями с двумя большими пальцами.

Когда они вошли, Керрик медленно отступил, потом еще... пока спиной не коснулся стены... Отступать было уже некуда. Они смотрели на него равнодушными глазами, и он вновь затосковал... копье бы... Один из мургу дернулся и повел руками, издавая мяукающие звуки. Керрик так прижался к стене, что заболели лопатки.

– Они еще ничего не ели? – спросила Энге.

Сталлан сделала отрицательный жест и указала на тыквы:

– Хорошее мясо, обработанное энзимами, годное в пищу. Сами они обжаривают мясо, и я решила, что сырое они не станут есть.

– А фрукты ты им не предлагала?

– Нет, они едят мясо.

– Может быть, они всеядны. Мы немного знаем об их привычках. Принеси фруктов.

– Я не могу оставить тебя с ними одну. Сама Вейнте' приказала мне охранять тебя, – произнесла охотница дрогнувшим голосом, не зная, что делать.

– Я справлюсь с обоими маленькими зверями, если придется. Они уже на тебя нападали здесь?

– Когда их только принесли. Самец злобный. Пришлось побить, чтобы прекратил злиться. Но с тех пор не нападал.

– Я в безопасности. Ты выполнила приказание эйстаа, а теперь исполняй мое.

У Сталлан не оставалось выбора. Она нерешительно вышла, и Энге задумалась. Как же вступить в общение с этими существами? Самка лежала лицом к стене, издавая все тот же высокий звук. Небольшой самец молчал, еще бы – он глуп, как положено самцу. Энге наклонилась, приподняла самку за плечо и постаралась повернуть лицом к себе. Оказалось, что к теплой шкуре животного можно прикоснуться без отвращения. Вой усилился – и внезапно острая боль пронзила ей руку.

Завопив от неожиданности Энге тряхнула рукой – самец покатился на землю. Зубы зверя прокусили ей кожу, выступила кровь. Выставив вперед когтистую руку, она разгневанно зашипела.

Зверь на четвереньках пополз в сторону. Она нагнулась над ним. И остановилась, осознав свою вину.

– Да, мы виноваты, – сказала она, едва гнев отступил. – Мы убили почти всю твою стаю. Тебя нельзя винить в твоём поступке. – Потерев укушенную руку, она поглядела на яркое пятно крови.

Дверь отворилась, вошла Сталлан с тыквой, полной оранжевых фруктов.

– Самец укусил меня, – спокойно сообщила Энге. – Они не ядовиты?

Отбросив тыкву в сторону, Сталлан бросилась к ней, взглянула на рану и занесла кулак над съжившимся самцом. Легким прикосновением Энге остановила ее:

– Не надо. Это я виновата. Как укус?

– Неопасен, если вовремя очистить рану. Пойдем, я ее обработаю.

– Нет, я останусь здесь. Не следует обнаруживать страх перед этими зверями. Со мной все будет в порядке.

Сталлан неодобрительно покачала головой, но поделаться ничего не могла. Она торопливо вышла наружу и вскоре возвратилась с деревянным ящичком. Она достала из него бутылку с водой и промыла рану, потом сняла крышку с нефмакела и положила его на руку Энге. Влажное прикосновение пробудило дремлющее животное, и оно прилипло к ране, выделяя антибактериальную жидкость. После чего Сталлан достала из ящичка две узловатые черные шишки и произнесла:

– Придется связать самцу руки и ноги. Уже не впервые. Слишком злобный.

Маленький самец пытался спастись, но Сталлан поймала его, швырнула на пол и коленом придавила спину, придерживая одной рукой. Другой она схватила живые путы, обернула их вокруг лодыжек зверя и вставила хвост веревки в ее пасть. Повинуясь рефлексу, живая веревка глотнула свой хвост, тело ее напряглось. Когда самец оказался надежно связанным, Сталлан отпихнула его в сторону.

– Я останусь и буду тебя охранять, – произнесла она. – Я должна. Вейнте' приказала тебя защищать. Я отлучилась на миг – и ты ранена. Я не могу допустить этого более.

Энге жестом выразила вынужденное согласие. Поглядела на брошенную тыкву и раскатившиеся по полу фрукты. Она указала на распростершуюся на полу самочку:

– Я возьму эти круглые сладости. Ты поверни ее лицом ко мне, чтобы она меня видела.

Исель отчаянно завопила, когда холодные руки марага схватили ее, грубо развернули и прислонили к стене. Она вцепилась зубами в костяшки пальцев. Второй мараг, тяжело ступая, подошел поближе, остановился, топнул и поднял вверх апельсин. Рот его медленно раскрылся, обнажив два ряда остроконечных зубов. Издав громкий вопль, он помахал апельсином в воздухе, одновременно царапая пол когтями. Исель только стонала от страха, не чувствуя, что прокусила кожу на пальцах, и кровь заструилась по ее подбородку.

– Это фрукт, – сказала Энге, – круглый, сладкий, хороший, чтобы есть. Наполняет живот, ты радуешься. Еда дает силы. А теперь делай, как я велю! – Сначала она уговаривала, а потом стала приказывать: – Ты возьмешь этот фрукт и съешь!

Заметив кровь, она поняла, что зверь поранил себя сам, и в негодовании отвернулась. Поставив тыкву с фруктами на пол, она знаком поманила Сталлан к двери.

– У них есть грубые орудия, – сказала Энге. – Ты говорила, что они сооружают что-то вроде укрытий и даже крупные звери им служат. – (Сталлан кивнула.) – Должно же у них быть что-то похожее на разум?

– Но это не значит, что они должны уметь разговаривать.

– Верно подмечено, охотница. Но пока приходится предполагать, что у них есть язык, с помощью которого они общаются между собой. И мелкие неудачи не остановят меня. Смотри, самец шевелится. Должно быть, почуял запах фруктов. Реакция самцов всегда груба: голод сильнее страха перед нами. Но он все еще озирается, он дикий. Гляди! – крикнула она победно. – Ест! Первый успех. По крайней мере, теперь его можно кормить. И смотри-ка, тащит фрукт самке. Альтруизм – признак интеллекта.

Но Сталлан недоверчиво качала головой:

– И дикие животные кормят своих детей. И охотятся вместе. Я видела. Это не доказательство.

– Может быть. Но я все равно верю... Если простые команды могут понимать даже лодки, почему нельзя думать, что подобные твари способны на это?

– Значит, ты будешь обучать их тем же способом, что и лодки?

– Нет. Поначалу собиралась именно так и поступить, но теперь хочу достигнуть более высокого уровня понимания. При обучении лодок приходится обеспечивать положительное и негативное подкрепление немногих команд. Ошибки наказываются электрическим ударом,

кусочком еды поощряется правильный ответ. Такое обучение пригодно для лодок, а этих животных я не собираюсь учить, с ними я должна разговаривать.

– Говорить трудно. Многие из тех, кто вышел из моря на сушу, так и не научились этому.

– Ты права, охотница, все дело в развитии: молодняк с трудом осваивает взрослую речь, но в море, ты помнишь, они разговаривают между собой.

– Тогда учи этих зверей детской речи. Ее-то они должны освоить.

Энге улыбнулась:

– Прошло много лет с тех пор, как ты разговаривала по-детски. Ты помнишь, что это значит?

Она подняла руку, и зеленая ладонь медленно покраснела, она пошевелила пальцами. Сталлан улыбнулась:

– Каракатицы. Много.

– Ты помнишь. Но разве ты не видишь, как важен цвет ладони? Без этого не поймешь смысла моей речи. А эти лохматые умеют менять цвет ладоней?

– Не думаю. Я никогда не видела этого. А тела у них бело-красные.

– Может быть, в их речи это важно...

– Если только она у них есть.

– Действительно – если. Я должна пристальнее приглядеться к ним, прежде чем они начнут издавать звуки. Но велика необходимость заставить их разговаривать как иилане'. Начнем с простейших выражений. Они должны понять полноту общения.

– Не понимаю, о чем ты говоришь.

– Тогда я покажу, чтобы ты поняла. Слушай мои слова внимательно. Готова? Ну... Мне тепло. Понимаешь?

– Да.

– Хорошо. Мне тепло. Это утверждение. Полнота его следует из обеих частей утверждения. А теперь я скажу медленнее. Мне... тепло. Я слегка двигаю большим пальцем, глядя вверх, и произношу слово «тепло», чуть приподняв хвост. И все это: произнесенные звуки и точные жесты вместе складываются в полное выражение.

– Я никогда не думала о подобном... Даже голова заболела.

Энге расхохоталась и жестом показала, что понимает шутку.

– В твоих джунглях я заплутаюсь так же, как ты в джунглях речи. Ею занимаются немногие: все здесь так сложно и трудно. И первый шаг для понимания требует осознать филогению языка.

– Теперь голова уже сильно болит. И ты думаешь, что эти звери сумеют понять такое? Когда даже я не понимаю, о чем ты ведешь речь...

Сталлан показала на зверей, испуганно прильнувших к стене. В тылке ничего не осталось, кусочки шкурок были разбросаны по полу.

– Ничего сложного я им объяснять не стану. Просто я хотела тебе сказать, что история нашего языка повторяет наше жизненное развитие. Когда мы юными оказываемся в море, говорить не умеет никто, и мы ищем помощи у подружек по эфенбуру, вошедших в воду вместе с нами. Мы умнеем, видим, как взрослые разговаривают между собою. Простые движения ног и рук, изменение цвета ладоней... Мы становимся старше и учимся, учимся и, когда выходим на сушу, уже можем и жестом дополнять звуки и так далее, пока не становимся настоящими иилане'. Отсюда моя нынешняя задача. Как научить нашему языку существ с иным жизненным циклом? Или у них он такой же? Быть может, после рождения они тоже сначала живут в воде.

– Мои знания об этом далеки от совершенства, но ты должна помнить: этот вид устузоу нам почти неизвестен. Я очень сомневаюсь в том, что они могут жить в воде. Я ловила и выращивала некоторых из лохматых зверей, поменьше размером, – тех, что можно обнаружить в джунглях. У всех есть кое-что общее. Все они теплые, всегда.

– Я заметила. Очень странно.

– Остальное не менее странно. Погляди на этого самца. Видишь – у него одиночный пенис, который не втягивается должным образом. Ни у одной из разновидностей устузоу, которых мне приходилось ловить, не было нормального двойного пениса. Более того, я следила за их поведением при случке – оно отвратительно.

– Что ты имеешь в виду?

– Я хочу сказать, что после оплодотворения яйца детеныша вынашивает самка. А когда он рождается, самки носят его при себе и кормят из мягких выростов на груди. Вон, видишь, в верхней части тела этой молодой самки.

– Действительно необычно. Ты считаешь, что их молодняк остается на суше? Значит, они не подрастают, как положено, в море?

– Правильно. Общая повадка у всех известных мне устузоу. Их жизненный цикл во всем отличается от нашего.

– Разве ты не понимаешь значения своих наблюдений? Если у них есть свой язык, они научаются ему по-другому, не так, как мы.

Сталлан жестом выразила согласие.

– Это я поняла, благодарю за объяснение. Но отсюда следует еще более важный вопрос. Если у них есть язык, как они обучаются говорить?

– Вопрос действительно важный, и я должна попытаться на него ответить. Но вынуждена честно признаться, что не имею ни малейшего представления.

Энге поглядела на диких зверей, на липкие от съеденных фруктов лица. Они настороженно смотрели на нее. Как сумеет она найти способ общения с ними?

– А теперь оставь меня, Сталлан. Самец надежно связан, самочка неопасна. Когда я буду одна, им не на кого будет отвлекаться.

Сталлан долго размышляла, а потом нерешительно согласилась:

– Как велишь. Я согласна, что теперь опасность невелика. Но я буду здесь же, за дверью; оставляю ее незапертой и чуть приоткрытой. Позовешь меня, если они чем-то будут угрожать тебе.

– Позову. Я обещаю. А теперь начинается моя работа...

10

В новом городе было много работы. Излишней... Приходилось исправлять ошибки прежней эйстаа, по справедливости умершей. Все эти хлопоты заполняли будни Вейнте' от первых лучей солнца до наступления тьмы. Погружаясь в сон, она завидовала ночным лодкам и другим существам, видевшим в темноте. Если бы она могла спать меньше хоть чуть-чуть – сколько всего можно было бы еще переделать. Бесплезная мысль, но как часто ночами она думала об этом... Мысли эти, конечно, не влияли на сон – нельзя спать более беспокойно и тревожно, чем иилане'! Казалось, что, закрывая глаза, Вейнте' погружалась в глубокий сон наподобие смерти. Но сон иилане' не крепок, его может нарушить любой шорох. Много раз в ночной тьме поднимала Вейнте' голову, встревоженная криками зверей. Глаза ее открывались, какой-то миг она вслушивалась. Потом, если все было спокойно, она вновь засыпала. И только серый утренний свет пробуждал ее.

Этим утром она, как всегда, ступила на пол из теплой постели и ткнула ее ногой. Та начала сворачиваться. Вейнте' подошла туда, где из бесчисленных стволов и стеблей живого города выступало что-то вроде тыквы с водой. Вейнте' приложила губы к отверстию и напилась подслащенной воды. За спиной возле стены сворачивалась в длинный сверток постель. Она охлаждалась: до следующей ночи ложе эйстаа будет пребывать в коматозном состоянии. Ночью шел дождь, и влажный плетеный пол неприятно холодил пятки.

Вейнте' направилась к амбесиду. Следом за ней одна за другой пристраивались фарги.

Каждое утро перед началом работ руководительницы проекта и простые жительницы ненадолго приходили на амбесид, чтобы поговорить. Это открытое пространство было центром города, его сердцевиной, осью, вокруг которой крутились все дела.

Вейнте' направилась к своему излюбленному месту возле западной стены, куда падали первые лучи солнца. В глубокой задумчивости она не замечала рядовых жительниц, расступившихся, чтобы пропустить ее. Ведь она – эйстаа, что всегда идет по прямой. Кора дерева уже согрелась, и она с удовольствием ступала по ней под восходящим солнцем, зрачки ее сузились в вертикальные щелки.

С глубоким удовлетворением смотрела она, как пробуждается Алпеасак. Она гордилась своим высочайшим положением: ведь это был ее город. Она будет растить его, строить, отгораживать от диких лесов, покрывающих все чужеземное побережье. Она построит город, и построит хорошо. Когда холодные ветры задуют над Инегбаном, новый город будет уже готов. И тогда сюда придет ее народ, иилане' будут жить здесь и чтить ее за дела. Но стоило об этом подумать, как вынырнула неприятная мысль: в день, когда это произойдет, она не будет здесь

эйстаа. С остальными приплывет и Малсас<, эйстаа Инегбана, которой, быть может, суждено править и новым городом.

Быть может. Эту пару слов Вейнте' скрывала особенно тщательно и никогда не произносила вслух. Быть может. Время меняет все. Малсас< уже немолода, молодежь уже подталкивает ее снизу. Время меняет все. И самой Вейнте' суждено когда-нибудь перейти этот поток. А пока – надо строить, возводить новый город... и строить его хорошо.

На глаза Вейнте' попалась Этдиирг.

– Ты обнаружила, кто убивает наших животных? – спросила Вейнте'.

– Да, эйстаа. Большой черный устузоу с огромными клыками и острыми когтями... Клыки у него такие огромные, что торчат из пасти, даже если она закрыта. Сталлан расставила ловушки возле дыр, которые он проделал в заборе. Там его и обнаружили этим утром, две удавки схватили его за ноги, третья – за шею и удушила.

– Снимите с него голову, а потом принесите мне его чистый череп.

Вейнте' показала, что разговор окончен, и поманила к себе Ваналпе'. Оставив беседу, биолог поспешила к ней.

– Расскажи мне о новом пляже, – попросила Вейнте'.

– Близок к завершению, эйстаа. Траву расчистили, терновник высок, кораллы у берега приживаются хорошо... Времени только мало прошло.

– Великолепно. Значит, уже можно думать о новых рождениях. Они сотрут память о происшествии на старом пляже.

Ваналпе' согласилась, но с чувством легкой вины выразила сомнение:

– Пляж готов, но еще не безопасен.

– Все та же проблема?

– Со временем мы решим и ее. Я работаю вместе со Сталлан. И мы верим – решение вот-вот найдется. Мы уничтожим зверей.

– Это необходимо. Самцы должны быть в безопасности. Чтобы случившееся не повторилось.

Вейнте' переговорила со всеми и ознакомилась с новостями. Настроение ее немного улучшилось. Но она думала об охотнице. Прошло какое-то время, а Сталлан не появлялась. Вейнте' поманила фарги и приказала разыскать охотницу. Наконец около полудня Сталлан появилась и села возле Вейнте' в тени листвы.

– Несу хорошие вести, эйстаа. Пляж скоро будет в безопасности.

– Если это так, приходит конец тяжелым для города временам.

– И аллигаторам. Мы нашли, где они размножаются. Я велела фарги доставить сюда все яйца, переловить весь молодняк. Они просто восхитительны на вкус.

– Я уже ела их и согласна с тобой. Значит, будем разводить их вместе с прочим мясным скотом?

– Нет, они слишком коварны и злобны. Для них возле реки строится особый загон.

– Очень хорошо. А что ты собираешься делать со взрослыми?

– Тех, кто слишком велик для ловушек, придется убить. Конечно, это обидная потеря мяса, но выбора нет. На ночных лодках мы до зари подберемся к ним и перебьем всех.

– Покажи, где они размножаются. Хочу поглядеть сама.

Вейнте' собралась покинуть амбесид. Становилось все жарче, и вокруг многие уже дремали, забившись в тень. Она отдыхать не намеревалась, слишком много еще оставалось дел.

Вейнте' и Сталлан медленно направились к пляжу, группа фарги, как всегда, плелась за ними. Жарко было даже в тени деревьев, и все время от времени ныряли в пруды, выкопанные для охлаждения у дороги. Они миновали болото, большая часть его еще не была расчищена. Оно густо заросло кустарником и пахучими травами, кишело крохотными кусачими насекомыми. Наконец болото кончилось, за густыми зарослями открылся песчаный пляж. Из

высокой травы вверх тянулись приземистые пальмы и какие-то странные растения с плоскими листьями, утыканые длинными иглами. Земля эта, Гендаси, так отличалась от привычного мира! Она была полна неизведанного. И опасностей.

Впереди текла река, неторопливая и глубокая. У берега теснились лодки: их кормили приглядывающие за ними фарги. Когда фарги заталкивали в них порции мяса, из крошечных пастей стекали тонкие струйки крови.

– Мясо аллигаторов, – пояснила Сталлан. – Не выбрасывать же... Лодки теперь так раскормлены, что готовы размножаться.

– Тогда пусть поголодают. Они нужны нам сейчас в рабочем состоянии.

Вдоль речных берегов высились ветвистые деревья. Среди них были серые с массивными стволами; тут же росли тонкие и высокие деревья, покрытые зелеными тонкими иглами; выше всех вздымались красные гиганты, от которых во все стороны разбегались корни. Земля между деревьями была покрыта пурпурными и розовыми цветками, но наверху, среди ветвей, их было еще больше. Целые ветви были усеяны огромными бутонами. В джунглях кипела жизнь. В кронах кричали птицы, на стволах улитки оставляли за собой красные влажные полосы.

– Богатая земля... – проговорила Вейнте'.

– Когда-то и Энтобан был таким, – сказала Сталлан. Расширив ноздри, она принюхивалась. – Когда города еще не разрослись от океана до океана.

– Ты думаешь, тогда повсюду так было?

Вейнте' попыталась осознать это. Такое трудно понять. А нам кажется, что города существовали от яйца времен...

– Я не однажды говорила об этом с Ваналпе'. Она мне объяснила. Жизнь цветет в новых землях Гендаси, давным-давно так было и в Энтобане, тогда иилане' еще не выращивали свои города.

– Конечно, ты права. Если мы все время выращиваем новые города, значит когда-то существовал один-единственный город. И отсюда следует неутешительный вывод, что еще раньше городов не было вовсе. Такое возможно?

– Не знаю. Поговори об этом с Ваналпе', она как дома среди подобных головокружительных идей.

– Ты права. Я спрошу ее.

Тут Вейнте' обнаружила, что их слишком уж близко окружили фарги; с открытыми ртами они пытались понять смысл разговора. Движением руки она отослала их прочь.

Они приближались к местам размножения аллигаторов, только на этот раз большая часть огромных рептилий уже навсегда оставила эти берега. Уцелевшие держались осторожно и, увидев лодку, немедленно исчезали в воде. Самки прятались последними. Эти примитивные и тупые существа просто на удивление трогательно заботились о яйцах и молодняке. Впереди на берегу стояли лодки, возле них под палящим солнцем трудился отряд фарги. Вейнте' обратилась к надсмотрщице по имени Зекакот, наблюдавшей за работами из тени дерева:

– Расскажи, как идет работа?

– Прогресс значителен, эйстаа. В город отосланы две полные лодки яиц. Ловим сетями молодняк, они глупы и легко попадаютс.

Она наклонилась над корзинкой и, ухватив за хвост маленького аллигатора, выпрямилась. Он шипел, извивался, пытался впиться в ее руку острыми зубками.

Вейнте' одобрительно кивнула:

– Хорошо, очень хорошо. И опасность исчезнет, и животы наполнятся. Хорошо, если бы наши проблемы всегда находили такое удачное решение. – Она обернулась к Сталлан. – Других мест размножения не обнаружено?

– Во всяком случае, отсюда до города – нет. Когда мы окончим здесь, пойдем дальше вверх по реке, к болотам.

- Хорошо. Теперь, прежде чем возвращаться в город, глянем на новые поля.
- Я должна возвратиться к охотницам, эйстаа. Зекакот покажет дорогу, если ты согласна.
- Я согласна, – ответила Вейнте’.

Ветер утих, неподвижный воздух почти обжигал. Лодки спустили в реку. Вейнте’ заметила, что небо приобрело странный желтоватый цвет, она еще не видела такого. Здесь, на другом краю света, все было по-другому. Ветер стал усиливаться, теперь он переменял направление и дул в спину. Вейнте’ повернулась и заметила на горизонте черную полосу.

- Зекакот, что это значит? – показала она.
- Не знаю. Какие-то облака. Я еще не видела ничего подобного.

Черные облака надвигались с немыслимой скоростью. Только что они казались пятнышками над кронами деревьев и вдруг заняли уже полнеба, вокруг сразу потемнело. И когда пришел ветер, он разил словно кулак. Одна из лодок, оказавшаяся боком к ветру, вдруг перевернулась.

Послышались крики, но тут же умолкли: всех выбросило в бурлящую воду. Лодка с плеском нырнула и вынырнула, иилане’ метнулись в стороны, чтобы избежать столкновения с нею. Когда их с большими усилиями извлекли из бурных вод, оказалось, что никто не получил повреждений. Но все давным-давно позабыли океан своей юности и плавали плохо. Вейнте’ выкрикивала указания, наконец одна из самых предприимчивых фарги, не побоявшаяся рискнуть в надежде повысить свой статус, подплыла к нервничавшей лодке и вскарабкалась внутрь. Там с резким криком она ударила по нужному месту и сумела взять живое суденышко под контроль.

А вокруг злобно завывал ураган, грозя потопить другие лодки. Все иилане’ прикрыли глаза мембранами, носовые перепонки защищали ноздри от капель дождя. И вдруг, покрывая рев ветра, в лесу раздался страшный треск – повалилось гигантское дерево, увлекая за собой соседние.

Вейнте’ не могла перекричать шум ветра, но все и так поняли ее приказ: держаться подальше от берега, чтобы не попасть под падающие деревья.

Лодки качались на крутых гребнях. Иилане’ жались теснее друг к другу, пытаясь сохранить крохи тепла под холодным секущим дождем. Казалось, прошло довольно много времени, прежде чем ветер начал ослабевать и стал порывистым. Буря утихала.

- Назад в город! – приказала Вейнте’. – Быстро, как только возможно!

Невероятный ветер проложил целую просеку в джунглях, повалив даже самые высокие из деревьев. Не зацепила ли буря город? Наверняка. Ведь образующие город деревья еще так молоды, они еще растут. Хорошо ли они укоренились? Каков ущерб? Ужасная мысль эта мучила всех.

Ухватив связанное животное за шею, Сталлан сняла веревку, сдерживавшую брыкавшиеся ноги, и бросила его в клетку. Эта тварь полностью поглотила внимание охотницы, и она заметила перемену погоды, лишь закончив возню. Носовые клапаны ее открылись, она понюхала воздух. Что-то знакомое и... недоброе. Она прибыла в Гендаси с первой группой, той самой, что подыскала место для нового города.

Посоветовавшись, прибывшие решили остановиться на побережье Алпеасака. Сталлан была в той группе, что осталась на берегу, после того как урукето отправился обратно в Инегбан. Остались самые сильные... Все были отлично вооружены и прекрасно представляли себе опасности, которыми полны окрестные джунгли. И тогда их чуть не погубила неожиданная беда, уничтожившая все припасы, – буйный и яростный ливень, какого они еще не знали.

Все началось именно так: небо пожелтело, воздух словно замер и придавил землю. Запел за собой клетку, Сталлан изо всех сил завопила: «Беда!» Все оказавшиеся поблизости фарги тут же повернулись к ней – это слово они выучили одним из первых...

– Ты – на амбесид, остальные разбегайтесь в стороны! На нас идет буря с сильным ветром. Все на пляжи, в поля, в воду – подальше от деревьев!

Фарги побежали чуть ли не быстрее Сталлан; с первыми порывами ветра сотни иилане' уже выбегали на безопасные открытые места. Тут навалилась буря, и город исчез за стеной ливня.

На берегу реки Сталлан заметила тесно жавшихся друг к другу фарги. Прячась от дождя, Сталлан протиснулась в самую середину. Ветер словно старался их разметать. Самые молодые шипели от страха, и Сталлан резко приказала им умолкнуть. Силой своего авторитета она удерживала молодежь на месте, пока не прошла буря, а когда ураган утих, велела всем возвращаться в город.

Усталая лодка Вейнте' вяло двигалась к берегу среди усеявших воду обломков, а Сталлан уже ожидала ее. И, когда слов еще нельзя было расслышать, просигналила: все в порядке. Не отлично, но терпимо.

– Каков ущерб? – крикнула Вейнте', выпрыгивая из лодки.

– Погибли две фарги и...

Вейнте' остановила ее сердитым жестом:

– Город меня интересует, не жительницы.

– Пока ни о чем существенном не докладывали. Мелких повреждений много, поломаны ветви, некоторые части города повалило ветром. В поля и к стадам разосланы фарги, ни одна еще не вернулась.

– Я и не надеялась на лучшее. Все сообщения – на амбесид.

Они пробирались по городу, ущерб был очевидным. Живая крыша во многих местах была повреждена, все дорожки были усыпаны листьями. В стойлах кто-то стонал; Сталлан заметила, что один из оленей в панике сломал ногу. Одной иглой из неразлучного хесотсана она прикончила животное.

– Плохо, но могло быть и хуже, – произнесла Вейнте'. – Сильный город, растет хорошо. Буря может разразиться снова?

– Скорее всего, нет, по крайней мере до следующего года. Дожди и сильные ветры иногда случаются, но ураганы бывают только в это время.

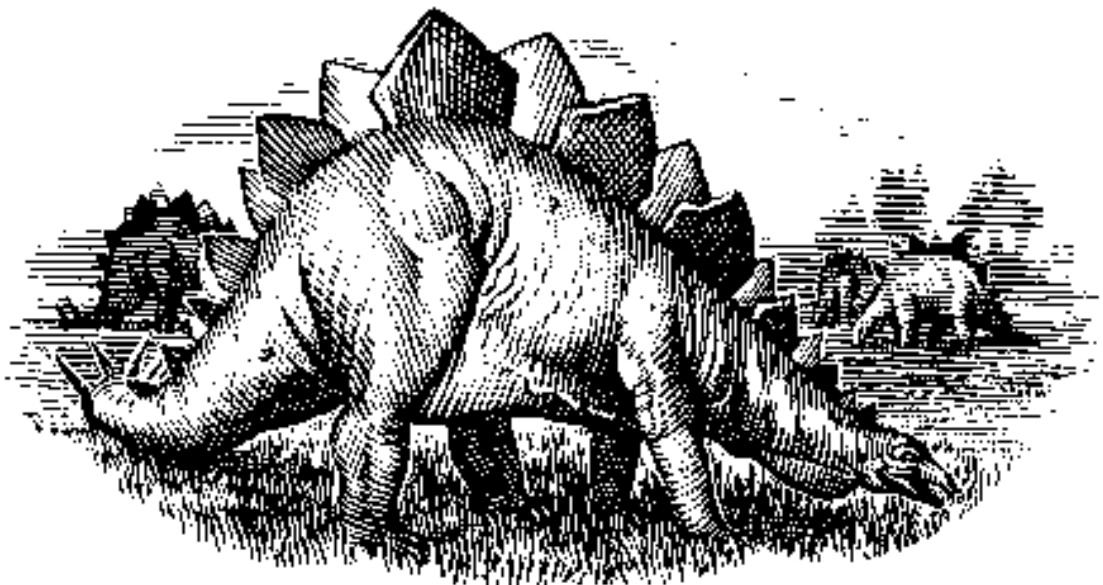
– Года хватит, чтобы возместить ущерб. Ваналпе' позаботится, чтобы рост был ускорен. Этот новый мир жесток и суров, но и мы можем быть столь же суровы и жестоки.

– Все будет, как ты говоришь, эйстаа, – ответила Сталлан.

Она не сомневалась, что Вейнте' сделает так, как решила.

Любой ценой.

11

Алпеасак рос и понемногу залечивал раны. Целыми днями Ваналпе' с помощницами сновали по городу, тщательно записывая весь причиненный бурей ущерб. Гормоны подгоняли рост, и листья крыш скоро вновь легли друг на друга, а новые стволы и воздушные корни укрепили стены. Но Ваналпе' не просто восстанавливала все как было. Прочные лианы, крепкие и упругие, пронизывали теперь стены и крышу.

Город не только стал сильнее, в нем становилось все безопаснее, ведь с каждым днем новые и новые поля прорезали джунгли. Это медленное продвижение могло показаться случайным, однако на самом деле было тщательно подготовлено и продумано.

Самое опасное дело – посев куколок в диких джунглях – выполняли Дочери Смерти. От диких зверей их защищали вооруженные фарги, но от синяков, ран, несчастных случаев, укусов змей спасения не было. Многие пострадали, некоторые умерли. Но ни город, ни Вейнте' их судьбы не тревожили. Город прежде всего.

И когда сев куколок окончился, джунгли были обречены. Вылупившиеся из яиц прожорливые червяки оправдали цель их создания. Для животных и птиц они были несъедобны, самим же гусеницам по вкусу оказалась любая растительность. Слепые и ненасытные, ползали они по древесным стволам и среди травы, пожирая все на своем пути. Лишь голые скелеты деревьев оставались после них да зловонная от экскрементов почва. Они ели и росли, росли... Отвратительные, покрытые щетинками создания вырастали длиной в руку иилане'.

А потом они умирали, гибель была заложена в их генах – тщательно продуманная предосторожность, чтобы гнусные твари не пожрали весь мир. Они умирали и гнили в кучах собственных испражнений. Хитроумие Ваналпе', генных инженеров сказалось и в этом. Черви-нематоды с помощью бактерий, населявших их кишечники, превращали эту отвратительную массу в плодородную почву. Жуки не успевали съедать мертвые деревья, как уже сеяли траву и терновник защитных стен. Новое поле углублялось в джунгли, отодвигая их все дальше от города, новый барьер отделял город от них.

В медленном этом продвижении не было ничего неестественного. Иилане' жили в гармонии с окружавшим их миром, они были неотъемлемой его частью. Как же могло быть иначе? У полей не было определенных форм и границ. Все это зависело от сопротивляемости листвы и прожорливости гусениц. Терновник разрастался в живые ограды различной ширины, некоторое разнообразие в ландшафт добавляли уцелевшие кое-где участки джунглей.

Столь же разнообразны были пасущиеся стада. Всякий раз, когда из Инегбана приплывал урукето, на нем привозили оплодотворенные яйца или новорожденных существ. Самых беззащитных и мирных держали поближе к городу на первых полях, там достигали зрелости урукубы и онетсенсасты. У границы джунглей паслись всеядные гиганты. Становясь в два раза больше мамонта, они продолжали расти; огромные рога и бронированные шкуры защищали их от любых опасностей...

Приходя на амбесид, Вейнте' каждый день радовалась успехам. Она все больше убеждалась, что нет проблем, которые она не может решить. Но однажды утром произошло нечто важное. Отчаянно толкаясь, на амбесид влетела фарги.

– Эйстаа, урукето вернулся. Я была в рыбацкой лодке, я сама видела...

Резким жестом Вейнте' приказала глупому созданию умолкнуть, а потом подала знак помощникам.

– Встретим их на причале. Я хочу знать новости из Инегбана.

Горделиво и молча она шествовала по тропе, подруги и помощницы следовали за нею, замыкала шествие бесконечная толпа фарги. В Алпеаске не бывало холодов, но в это время года то и дело лил дождь, поэтому все были в плащах, согревавших и спасавших от морозящего дождя.

Когтистые лапы-лопасти ейсекома достаточно углубили реку и примыкавшую к ней гавань. Теперь уже не требовалось перегружать грузы из урукето в лодки: гигантское существо могло подходить прямо к берегу.

Когда Вейнте' со свитой появилась на берегу, гигант только что вынырнул из пелены дождя. Начальница гавани командовала фарги: они укладывали на подводный карниз свежую рыбу – корм для урукето. Тупое создание заметило еду и повернуло в нужную сторону, теперь гавань можно было запирать. Вейнте' с удовольствием следила за слаженной работой. В хорошем городе все устроено разумно. А у нее хороший город. Она глядела на большой черный корпус, на плавник, из которого выглядывала Эрефнаис. Рядом с ней стояла... Малсас<.

Вейнте' застыла: она уже успела выбросить из головы старшую эйстаа, поэтому, когда поняла, кого видит перед собой, ужасная мысль пронзила ее большее ножа.

Малсас< – эйстаа Инегбана. Это для нее строился город. Это она приведет сюда народ, когда все будет закончено, и станет править вместо Вейнте'. Выпрямившись, Малсас< властно и внимательно оглядывалась. Она еще не старая и здоровая. Что помешает ей стать эйстаа в Алпеаске?

Пока Малсас< и ее свита выбирались из урукето, Вейнте' не двигалась, чтобы не выдать своих мыслей. Ей оставалось только надеяться, что истинные чувства удастся спрятать под формальными интонациями и жестами.

– Приветствую тебя в Гендаси, эйстаа, приветствую в Алпеаске, – проговорила Вейнте', сопровождая приветствие жестами удовольствия от прибытия эйстаа и глубокой благодарности.

– И я рада оказаться в Алпеаске, – ответила Малсас< столь же официально.

Согласно этикету, в знак расположения нужно было быстро приоткрыть рот и показать зубы. Но эйстаа не закрывала рот несколько дольше положенного. Этот знак легкого недовольства был для Вейнте' достаточным предупреждением, другого не требовалось. Вейнте' уважали за ее труд, но незаменимых нет, поэтому она, предупредительно потупившись, выбросила из головы и коварство, и ревность.

Краткий обмен знаками был столь недолгим, что прочие иилане' его не заметили. Не их дело интересоваться взаимоотношениями высочайших. Прежде чем заговорить вновь, Малсас< велела помощникам и фарги отойти подальше, чтобы разговор не подглядели или не подслушали по пути в город.

– Прошлая зима была холодной, но эта еще холоднее. Когда настало лето, ни молодежь, ни фарги из Соромсета не попросились в Инегбан. Когда чуть потеплело, я послала отряд охотниц в этот город. Он умер. Соромсет больше не существует. Он умер, словно Эритпе, листья на городе умерли, птицы-трупоеды расклевывают кости живших там иилане'. Жив один Инегбан, но с каждой зимой холод пододвигается ближе. Стада уменьшаются. Скоро настанет голод.

– Алпеасак ждет.

– Он должен ждать... своего времени. Нужно расширять поля, умножать стада. А мы должны разводить урукето. Труд этот велик, мы опоздали с началом. Есть надежда, что новая порода окажется удачнее. Они будут поменьше, чем это огромное существо, в котором я была, они быстрее растут. Их нужно вырастить, чтобы переселить весь город за одно лето. А теперь покажи мне Алпеасак...

– Вот он. – Вейнте' показала на стволы и покрытые прожилками ветви – решетчатые полы города, со всех сторон окружавшего гавань.

Дождь прекратился, показалось солнце, на листья поблескивали капли. Малсас< жестом выразила одобрение. Вейнте' широко повела рукой:

– За городом – поля. Их уже наполняют звери, полезные и приятные для глаза.

Вейнте' жестом приказала вооруженным стражницам идти впереди: они направлялись через пастбище к внешним полям. В просветах между стволами виднелись гигантские туши урукетов, объедавших зеленые листья на окраине джунглей, доносился стук больших булыжников, перемалывавших пищу в желудках этих огромных созданий. Некоторое время Малсас< молча наслаждалась зрелищем, потом повернула назад, к центру города.

– Ты хорошо устроила, Вейнте', – произнесла она так, чтобы следовавшие за ними могли услышать ее слова. – Ты все сделала правильно.

Благодарный жест Вейнте' был исполнен искренности сверх всех ритуалов. Похвала и одобрение эйстаа, высказанные в присутствии иилане', – перед подобным отличием вся ее ревность и недовольство исчезли без следа. В этот миг она не раздумывая последовала бы по приказу Малсас< на верную смерть. Высочайшие позволили свите приблизиться, чтобы слушать и учиться: другого способа учиться и запоминать не было. Когда они миновали Стену Истории, разговор вновь обратился к более мрачным вещам, ведь история, запечатленная здесь, – повесть о смерти.

Окружая родильные пляжи, стена отделяла от них амбесид. Глубоко утопали в ней символы, имевшие когда-то глубокий смысл и значение. В стену были вплетены останки древних животных. Неужели иилане' действительно разводили раньше таких огромных крабов? Говорят, они в океане защищали самцов. Было такое, но когда?.. Уже от яйца времен иилане' не видели подобных существ. Покрытые шипами лианы и терновники и теперь использовали, как когда-то встарь... А гигантские панцири скорпионов? О таких давно никто не слышал, но древние экзоскелеты тщательно сохраняли, ими восхищались и с великой осторожностью сняли когда-то со стены в Инегбане и доставили сюда в знак преемственности.

В стене запечатлена была и живая история: около входа со стороны пляжей в нее были вплетены тела мертвых хесотсанов, а рядом с ними – зубастые черепа хищников, охотничьи трофеи.

В самом конце пустыми глазами глядел круглый череп, выбеленный солнцем. Его окружали наконечники копий, острые каменные лезвия. Заметив редкость, Малсас< остановилась перед ними и потребовала объяснить, что это такое.

– Один из тех устузоу, что оскверняют землю. Черепа эти принадлежат блохастым, покрытым мхом, теплым и вонючим устузоу... Они угрожали нам, и мы их убили. Своими острыми каменными ножами они совершили преступление, хуже которого не придумаешь.

– Да, они убили самцов и детей... – проговорила Малсас< холодным тоном. – Теперь они вас больше не беспокоят?

– Нет, все умерщвлены, опасности нет. Это не здешние существа, они пришли с севера. Мы выследили их и убили, всех до единого...

– Значит, пляжи теперь в безопасности?

– Со всех сторон, кроме коралловых рифов. Но они быстро растут, и, когда достигнут нужной высоты, состоятся первые рождения. Тогда родильные пляжи станут совсем безопасными. – Вейнте' занесла когтистую руку над белеющим черепом. – И эти детоубийцы теперь не опасны. Они никогда более не потревожат нас.

Трапеза в этот день проходила необычно: Малсас< и ее свиту следовало поприветствовать официально. Подобные события были редкостью. Большая часть молодых фарги не видела ничего подобного, они возбужденно метались из стороны в сторону и говорили все разом, не слушая друг друга. В рамках повседневного существования иилане' каждый день ожидают тех приятных минут, когда можно подремать с полным желудком, так что поглощение мяса само по себе достаточно торжественный акт. Все по очереди подходят с широким листом к обработчицам мяса, получают свою порцию восхитительного, обработанного энзимами продукта и поглощают его в укромном уголке. Еду всегда принимали именно так, и невозможно было даже представить, чтобы этот процесс мог происходить иначе.

В тот день все работали недолго. Жительницы города сходились на амбесид, иные вскарабкивались на нижние ветви ограды, чтобы видеть происходящее.

Обойдя город и поля, Вейнте' и Малсас< тоже направились туда же. Там Малсас< по очереди приняла всех отвечавших за рост Алпеасака и больше всего времени провела с Ваналпе'. Удовлетворившись услышанным, Малсас< отпустила всех и обратилась к Вейнте':

– Солнечное тепло и цветущий город отогнали воспоминания о зиме. С этой вестью я вернусь в Инегбан. Она согреет жительниц перед лицом наступающей зимы. Эрефнаис сообщила, что урукето нагружен, накормлен и в любое время готов к отплытию. Поедим, и я отправлюсь назад.

Вейнте' выразила огорчение, вызванное внезапным расставанием. Малсас< поблагодарила ее и отклонила все просьбы остаться.

– Понимаю тебя. Но я уже все осмотрела и знаю, что дело в хороших руках. Ведь урукето такие тихоходы, а я не могу потерять даже дня. Поедим. Помнишь Алакенси, мою первую советницу и эфенселе? Сегодня она подаст тебе мясо.

– Весьма высокая честь для меня, весьма высокая, – ответила Вейнте', стараясь думать только об оказанной ей почести, а не об Алакенси, которую прекрасно знала, – создании изобретательном и коварном.

– Хорошо. – Малсас< жестом велела Вейнте' замолчать. – А теперь – едим. Алакенси, ближайшая мне во всем, подаст Вейнте' мясо. Ты же, Ваналпе', за свои заслуги, за то, что ты растила, обустроивала и расширяла этот город, избрана прислуживать мне.

Ваналпе' безмолвно застыла, словно юная и бессловесная фарги, – гордость сквозила в каждом ее движении.

– По особому случаю будет подано два мяса! – объявила Вейнте'. – Одно из старого мира, другое – из нового.

– Да смешается новое и старое внутри нас, как Инегбан сольется с Алпеасаком, – провозгласила Малсас<.

Вокруг раздались одобрительные крики: иилане' оценили меткое новое выражение; они принялись обсуждать прекрасную мысль. Вейнте' дожидалась, пока слова Малсас< дошли до стен амбесида. Теперь их знали все.

– Мясо из Энтобана – это урукуб, которого вырастили из яйца, бережно доставленного на новые берега. Он вылупился под солнцем Гендаси, вырос на травах Гендаси. Он самый большой, но не последний. Все видели их на пастбище в болотах и восхищались гладкой шкурой, изгибами длинной шеи, тучностью. Все видели их.

Речь ее тоже была встречена с одобрением, все иилане' видели, как из болота выныривает крошечная голова на длинной шее, из пасти которой свисает влажная трава.

– Убит первый урукуб. Он такой огромный, что всем хватит наесться досыта. А для Малсас< и тех, кто прибыл вместе с нею, будет подан другой зверь – такого они еще не ели, – олень с острыми копытами, из тех, что водятся только в Гендаси. Пусть начнется еда.

Обе назначенные прислужницы поспешили в сторону и вернулись с тыквами, наполненными мясом. Каждая опустилась на колени перед той эйстаа, которой должна была прислуживать. Малсас<, протянув руку, приняла длинную кость с крошечным черным копытцем – прохладная сладкая плоть свисала с нее. Оторвав зубами кусок, она подняла ее вверх, чтобы видели все.

– Урукуб! – провозгласила она, и все вокруг тотчас оценили шутку. Даже самая крохотная кость урукуба была больше, чем все это создание.

Вейнте' была довольна. Торжественная трапеза продолжалась, а когда с мясом было покончено, высочайшие омыли руки в тыквах с водой, которые подали внимательные прислужницы. Церемония закончилась, тогда за еду принялись и остальные, чтобы успеть до темноты.

Сейчас, когда никто не слышал их и не следил за ними, Малсас< могла с глазу на глаз говорить с Вейнте'. Голос ее был тих, движения рук едва заметны.

– Все, что говорилось сегодня здесь, – истина. Все усердно трудились, ты – больше всех. Теперь я знаю: ты сумеешь воспользоваться трудом Дочерей Смерти, которых я привезла с собой.

– Я видела. Они работают.

– Пусть работают до изнеможения, до смерти! – Зубы Малсас< громко лязгнули, подчеркивая решительность ее намерений. – Их становится все больше и больше, они, словно термиты, выедают сердцевину нашего города. Внимательнее приглядывай за ними, чтобы не попытались погубить и твой город.

– У них для этого здесь нет ни малейшей возможности. Все они на тяжелой и опасной работе. Такова их участь.

– Тогда наши мысли едины. Хорошо. Теперь о тебе, закаленная, не знающая устали Вейнте': чем еще можно тебе помочь?

– Ничем, у нас есть все необходимое.

– Ты умолчала о своих нуждах, о том, что тебе нужна помощница. Поэтому я хочу, чтобы словно моя собственная рука тебе помогала. Моя эфенселе Алакенси, ближняя для меня во всем. Пусть она войдет в твою свиту первой помощницей и разделит твои труды.

Вейнте' не позволила себе даже шевельнуться: одно единственное слово или жест могли выдать внезапно вспыхнувший гнев. Но ей и не пришлось говорить. Малсас< глядела ей прямо

в глаза, так что они прекрасно поняли друг друга. Малсас< сделала едва заметный насмешливый жест в знак победы, повернулась и следом за свитой направилась к урукето.

Окажись сейчас при Вейнте' оружие, она не колеблясь послала бы губительную иглу прямо в удаляющуюся спину. Малсас< явно рассчитала все еще до прибытия. В Алпеаске у нее были шпионки, доносившие обо всем, что происходит в городе. Она понимала, что, побыв здесь эйстаа, Вейнте' не захочет отказаться от власти. Поэтому-то и притащила сюда свою мерзкую Алакенси. Теперь она сядет рядом с Вейнте', будет за всем следить, шпионить и доносить. Присутствие Алакенси вечно будет напоминать Вейнте' о ждущей ее участи. Ей уготовано трудиться и строить, чтобы в конце концов оказаться не у дел. Ведь в один неизбежный черный день Малсас< все заберет в свои руки. Теперь Вейнте' все поняла. Малсас< так задумала с самого начала. Пусть Вейнте' старается, одолевает трудности, строит – зарабатывает себе печальную участь.

Машинально Вейнте' водила ногой по полу, острые когти царапали дерево. Нет! Этого не будет. Она всегда хотела, возвысившись собственным трудом, присоединиться к правителям. Всё! Малсас< никогда не будет здесь править. Алакенси умрет, поручение эйстаа – смертный приговор для нее. Как это случится, Вейнте' еще не знала, но будущее за ней. Зима опускалась на Инегбан – над Алпеаском светило солнце. В старом городе правила слабость – в новом власть забирала сила. Алпеасак принадлежит ей, Вейнте', никто не сумеет отобрать у нее город.

В ярости Вейнте' покинула свиту и отправилась по городу кружным путем, где только редкие фарги могли ее видеть... Немногие встречные в страхе бежали: каждое движение ее тела выдавало гнев. Казалось, рядом с ней шла сама смерть...

Тени носильщиц, завершавших погрузку урукето, все удлинялись. В живое судно заносили последний груз – обмякшие туши оленей. Ваналпе' хорошо потрудились над токсином, которым оглушали крупных животных, потом их можно было даже переносить с места на место. Новый яд не парализовывал и не убивал – животное существовало на грани жизни и смерти. Сердцебиение было едва слышно, дыхание замедлялось. Обработанных таким образом зверей могли везти за океан, в Инегбан: они не нуждались ни в еде, ни в питье – свежее мясо, столь нужное голодным жителям Инегбана. Вейнте' безумно хотелось – она даже произнесла это вслух, ведь никто не мог здесь подслушать ее, – таким же образом обработать саму Малсас<. Чтобы лежала ни живая ни мертвая до конца времен...

Когда урукето в сумерках отплыл, мрачная Вейнте' вернулась в свои апартаменты, никого не встретив в сгущавшейся тьме, – и мгновенно уснула, невзирая на все еще одолевавший ее гнев.

Утро вечера мудренее. Но и наутро тяжелые мысли еще не оставили Вейнте'. На амбесиде она казалась спокойной. Но когда на его противоположном краю показалась Алакенси, Вейнте' отвернулась, окаменев от злобы. Многие уже успели познакомиться с ее крутым норовом. На несчастье Энге, на этот раз под руку подвернулась именно она.

– Я с небольшой просьбой, эйстаа... – начала Энге.

– Отказываю. От тебя и твоих живых покойниц мне нужна только работа.

– Раньше ты никогда не была без причины жестокой, – спокойно возразила Энге. – Мне казалось, что для эйстаа все жительницы равны.

– Правильно. Только по моей воле Дочери Смерти теперь не жительницы нашего города, а рабочие животные. Вы будете работать, пока не умрете, – такова ваша судьба. – Она вдруг вспомнила о данном Энге поручении. – Устузоу, которых ты учишь говорить... Что с ними? Прошло время, много времени.

– Нужно больше времени – вот моя просьба. Или больше времени, или его не нужно вовсе.

– Объясни.

– Каждое утро я начинаю работать с устузоу в надежде, что сегодня начнется понимание. И каждый вечер я оставляю их с чувством напрасно потраченного труда. Самочка разумна... на уровне элиноу, который рыскает по городу, отслеживает и ловит мышей. Действия ее похожи на разумные, но не являются таковыми.

– А самец?

– Глуп, как все самцы. Не реагирует, даже когда бьют. Просто сидит и молча глазеет. Но самочка отвечает на доброту, как элиноу, с ней приятно иметь дело. Пока она научилась всего нескольким фразам, правда всегда говорит невпопад и путает. Она их заучила, как лодка, не понимая смысла.

– Новости не радуют меня, – ответила Вейнте', жестами выражая соответствующие чувства.

Все это время Энге могла бы работать в полях, здесь все ее труды были впустую. Теперь причины, по которым она хотела беседовать с устузоу, уже не имели значения. Свирепые создания более не представляли опасности... Но интерес не исчез. Вейнте' сказала об этом вслух:

– Если существа эти не могут выучить язык иилане', то, может быть, ты успела выучить их язык?

Конвульсивно содрогнувшись всем телом в знак отчаяния и сомнения, Энге произнесла:

– И на этот вопрос у меня нет ответа. Сперва мне даже показалось, что они амбенины – безъязыкие, не умеющие общаться. Но теперь я считаю их угунинами.

– Невозможно! – Вейнте' с ходу отвергла эту мысль. – Как может любое существо общаться, не обмениваясь информацией. Ты предлагаешь загадки вместо ответа.

– Я понимаю, мне стыдно, но другого имени для них у меня нет. Их движения и звуки, которые они издают, не связаны никакой закономерностью. Я уверена в этом – я запомнила тысячи сочетаний и звуков. Они все бессмысленны. В конце концов пришлось поверить, что общение у них осуществляется на другом уровне, который закрыт для нас навсегда. Даже не представляю, как быть. Я слыхала теорию об излучениях мозга: разум может общаться непосредственно с разумом. Возможно использование радиоволн. Если бы в городе был физик, мы сумели бы разобраться.

Она умолкла. Вейнте' делала жесты сомнения, неуверенности, огорчения.

– Ты не перестаешь удивлять меня, Энге. Какой первоклассный ум погиб для города, когда ты отдалась этой отвратительной философии. Я считаю, что твои эксперименты и наблюдения надо заканчивать. Вот погляжу на твоих устузоу и решу, что делать.

Заметив Сталлан, Вейнте' поманила ее за собою.

Она шла впереди, Энге и Сталлан следовали за нею. Когда они приблизились к тюремной камере, Сталлан поспешила открыть засов. Оттолкнув ее, Вейнте' шагнула внутрь и взглянула на юных устузоу. Сталлан сразу приготовилась отражать нападение. Самочка сидела на корточках, растянув рот так, что открылись зубы. Неуместная угроза рассердила Вейнте'. Невысокий самец неподвижно стоял у стены.

– Ну пусть показывают свои трюки! – приказала Вейнте'.

Услышав скрип засова, Керрик мгновенно вскочил и прижался спиной к стене, как всегда уверенный, что сегодняшней день и станет днем его смерти. Исель засмеялась.

– Глупый мальчишка, – сказала она, почесывая царапины на голове, – испуганный младенец... Мараг носит нам пищу и играет с нами.

– Мургу приносят только смерть, однажды они убьют нас.

– Глупый! – Она швырнула в него шкуркой апельсина и, улыбаясь, обернулась к двери.

Но первым вошел незнакомый мараг, и улыбка ее исчезла. Но следом шел тот, знакомый, и улыбка вернулась. День как день.

Она была ленивой девочкой и не слишком смысленной.

– Говори! – скомандовала Вейнте', остановившись перед устузоу, и медленно, подчеркнуто раздельно повторила, словно обращаясь к юной фарги: – ГО-ВО-РИ!

– Прошу, дай я, – покорно попросила Энге. – Мне они отвечают.

– Нет, теперь это не нужно. Если зверь не говорит, конец ему. Слишком много времени потрачено даром. – И, обернувшись к самке устузоу, Вейнте' сказала четко и ясно: – Вот мое личное распоряжение, и неотложное к тому же. Ты сейчас будешь говорить членораздельно, как положено иилане'. Если ты говоришь – будешь жить и расти. Речь – твой рост, речь – твоя жизнь. Поняла?

Исель поняла: она ощутила в словах угрозу и испугалась.

– Но мне трудно говорить, ну пожалуйста...

Слова тану не вызвали никакой реакции в отвратительном существе, возвышавшемся над нею. Надо сделать то, чему ее учили. Она попыталась, как могла, изобразить какое-то подобие нужных движений, произнося:

– Хас лейбе эне уу...

Вейнте' казалась озадаченной.

– И это речь? Что она говорит? Не может же это означать: «Старая самка угождает...» Энге тоже была озадачена.

– Быть может, она хочет сказать, что старая самка становится добрее.

Гнев охватил Вейнте', пока она пыталась осмыслить эти слова. Быть может, в другой день она бы и отнеслась снисходительнее к этой жалкой попытке, усмотрев в ней свидетельство того, что устузоу можно научить говорить. Но не сегодня. Только не после вчерашних оскорблений и бесившего ее присутствия Алакенси. Это было уже слишком – вежливо разговаривать с отвратительными лохматыми созданиями. Нагнувшись, Вейнте' схватила самку за обе передние конечности, подкинула высоко в воздух и яростно завопила на глупое создание, приказывая ей говорить.

Тварь даже не попыталась. Напротив, она закрыла глаза, выдавила из них струйки воды, широко раскрыла пасть и издала животный вопль, оглушивший Вейнте'.

Потеряв всякое самообладание, вне себя от переполнявшей ее слепой ненависти, Вейнте' наклонилась и впилась острыми коническими зубами прямо в глотку устузоу. Горячая кровь хлынула в рот, ее замутило от этого вкуса. Оттолкнув тело в сторону, Вейнте' с отвращением сплюнула. Сталлан тихо шевельнулась, молчаливо одобряя. Перед лицом Вейнте' очутилась тыква с водой. Она выхватила ее у Энге и прополоскала рот, сплевывая и откашливаясь; оставшейся водой она омыла лицо.

Слепой гнев отступил, теперь она могла думать. И ощутила удовлетворение от содеянного. Но дело еще было не кончено. Второй устузоу оставался жив. Быть может, это последний из них и с его смертью такие устузоу исчезнут с лица земли.

Вейнте' быстро подошла к Керрику и поглядела на него сверху вниз.

– Ну, последний... – сказала она, протягивая к нему руки.

Отступать было некуда. Он зашевелился – и заговорил:

– Эсекакуруд-эсекйилсхан... элел лейбелейбе...

На первый взгляд смысла тут не было никакого, но только на первый взгляд... Вейнте' внимательно поглядела на существо.

Это была просьба, по крайней мере неуклюжая ее попытка. Но почему он так странно дергается из стороны в сторону? Какая-то бессмыслица. Она поняла – у твари ведь нет хвоста, поэтому она не может правильно приподняться. Но если эти движения соответствовали подниманию хвоста, он, может быть, пытается выразить или отвращение, или крайнее желание говорить. Кусочки головоломки начинали складываться.

– Ты понимаешь, Энге? – крикнула Вейнте'. – Смотри, он опять это делает!

Неуклюже, но отчетливо и вполне внятно устузоу говорил:

– Я очень много не хочу умирать. Я очень много хочу говорить. Очень долго, очень усердно.

– Ты не убила его, – сказала Энге, когда они вышли из камеры, и Сталлан закрыла за ними дверь. – Но самку ты не пощадила.

– Она оказалась никчемной. А теперь дрессируй его, он понадобится нам. Вокруг, может быть, мародерствуют другие стаи этих существ. Ты говорила, что раньше он не разговаривал?

– Никогда. Может быть, он оказался умнее ее. Он все время следил за мной и всегда молчал.

– Энге, вижу, ты хорошо учишь, скромничаешь. – Теперь Вейнте' была великодушна. – Ты только ошиблась в выборе устузоу.

13

Над головой ярко синело небо, а над перевалом змеилась поземка. Колочий северный ветер, рвавшийся из-за гор, поднимал снег со склонов, бросал клубами через перевал.

Херилак боролся с ветром, он почти ложился на него всем телом, одолевая порывы. Левый снегоступ обломился, это мешало идти. Но если он остановится и примется за починку, то умрет прежде, чем закончит работу. И он продолжал шагать вперед, оступаясь и падая, отряхиваясь, все дальше и дальше. Наконец он почувствовал, что дорога пошла под уклон. Через какое-то время он миновал каменистый выступ, серые кости земли, пронзавшие сугробы, и почувствовал – ветер ослаб. Значит, он одолел перевал. Еще несколько шагов – и ветер совсем утихнет за скалами.

Херилак со вздохом опустился на снег, привалившись спиной к огромному камню: подъем исчерпал даже его огромную силу. Верхние рукавицы заледенели. Прежде чем снять их, он постучал одной о другую... Потом теплой внутренней рукавицей смахнул снег, намерзший на ресницах и бровях, и, моргая, поглядел вниз, в долину.

В этом укромном месте зимовал большой олень. Вдалеке виднелось оленье стадо.

Луг возле ручья окружали высокие деревья. Ручей никогда не замерзал: породивший его источник выбивался из-под земли. Превосходное место для зимнего лагеря, урочище это называли «леврелаг Амагаста» – место стоянки саммада Амагаста, который был мужем сестры Херилака.

Теперь долина была пуста...

Херилак узнал о беде, постигшей саммад Амагаста от саммадара по имени Улфадан. Тот клялся, что был там и что говорит истинную правду. Херилак решил убедиться в этом сам.

Взяв копье, лук со стрелами и густо натерев тело гусиным жиром, он надел мягкие бобровые шкуры мехом к телу, а сверху – грубое одеяние из шкур большого оленя. К тяжелым меховым сапогам привязал снегоступы. Чтобы идти быстро, он вышел налегке. В мешке за плечами было только вяленое мясо и немного эккотаца, смеси сушеных ягод с орехами.

И вот он у цели, но увиденное не радовало. Отправив в рот пригоршню снега, он склонился над сломанным снегоступом. Время от времени, отрываясь от работы, он поглядывал на пустую долину, словно боялся поверить в горькую правду: тану здесь не было.

Работу он окончил уже за полдень и, пожевав вяленого мяса, стал размышлять, что делать дальше. Впрочем, выбора не было. Покончив с едой, он поднялся на ноги. Рослый мужчина – он был на голову выше всех в своем саммаде. Почесывая окладистую бороду, он думал, глядя на лежавшую перед ним долину. Идти предстояло на юг. Он стал спускаться вдоль склона, не оглядываясь более на опустевшее место стоянки.

Он шел весь день и остановился, когда первые звезды высыпали на потемневшее небо. Тогда он поплотнее завернулся в шкуры и долго глядел в ночное небо. Он искал знакомые созвездия. Мастоdont бросался на охотника, замахнувшегося копьем. Неровный ряд звезд складывался в пояс охотника. А не появилась ли в нем еще одна звезда? Не такая яркая, как остальные, но тоже заметная в чистом и прозрачном зимнем небе. Твердой уверенности не было. Только тхарм могучего воина мог оказаться в таком почетном месте, добавляя силы охотнику. Быть может, звезда эта появилась там не вчера? И пока он думал об этом, глаза его закрылись и он уснул...

На третий день Херилак вышел из редкого леса на берег быстрой реки. Бурное течение не позволяло морозам сковать воду на самой стремнине. Он шел тихо, как подобает охотнику, и только однажды спугнул небольшое стадо оленей. Быстро и высоко прыгая, разбрасывая снег во все стороны, звери исчезли среди деревьев. Один по крайней мере мог стать легкой добычей. Но сейчас Херилак не охотился. Не время для охоты. Пробираясь через густые кусты, он вдруг замер – меж двух ветвей были натянуты силки из кроличьих жил.

После этого он запел на ходу и принялся стучать копьем по нижним ветвям деревьев. До морозных зим этого не было. Старики не помнили такого обычая. Нужда в нем появилась только теперь. Тану убивают тану. Мир стал не таким, как прежде: раньше охотник не опасался охотника.

Тут Херилак заметил в снегу утоптанную тропинку. Добравшись до поляны, он остановился, воткнул в сугроб копье, словно штандарт, и уселся на корточки возле него. Долго ждать не пришлось.

Бесшумно, словно дым от костра, на поляну скользнул охотник. Копье он держал наготове. Завидев сидевшего Херилака, он опустил оружие. Потом воткнул его в сугроб и шагнул вперед. Херилак поднялся навстречу.

– Я пришел на твои охотничьи земли, но не для того, чтобы охотиться... – начал Херилак. – Здесь охотится саммад Улфадана. Ты саммадар?

Улфадан кивнул в знак согласия. Длинная борода его низко опускалась на грудь.

– Ты Херилак, – произнес он. – Моя племянница замужем за Алкосом из твоего саммада... Возьмем копья и отправимся в мой шатер. Там теплее, чем на снегу.

Они молча шагали бок о бок по заледеневшей тропе: не пристало охотнику трещать подобно сороке. У излучины реки располагалась зимняя стоянка саммада – двенадцать больших и прочных шатров. На лугу за шатрами, добывая сухую траву, мастодонты взрывали снег бивнями, дыхание их облачками пара несло по ветру. Из каждого шатра в безоблачное небо сочилась тонкая струйка дыма. Среди шатров с криками носились дети, увлеченные какой-то игрой. Мирная сцена, знакомая Херилаку, – так живет и его собственный саммад. Подойдя к шатру, Улфадан откинул меховую полу и первым шагнул в теплый сумрак...

Сидели они молча, а старуха наливала из берестяного туюска в деревянные чашки горячий настой из сушеных трав. Оба охотника грели руки о чашки, прикладывались к настою, а женщины, завернувшись в шкуры и судача на ходу, по одной выскальзывали из шатра.

– Теперь ешь, – сказал Улфадан, когда они остались одни.

– О гостеприимстве Улфадана знают во всех шатрах тану от гор и до моря.

Предложенное угощение было скудным: несколько уже припахивавших кусочков сушеной рыбы. Зима длинна – и до весны еще ждать и ждать. К этому времени в шатрах наступит голод.

Херилак с шумом выразил удовлетворение, втянул последние капли жидкости и даже громко рыгнул в знак сытости. Он знал, что теперь следует поговорить об охоте, погоде, стадах и только потом назвать цель своего визита. Но и этот древний обычай изменился теперь.

– Моя сестра – жена Амагаста, – произнес Херилак. Улфадан кивнул в знак согласия, он знал это. Все саммады в горных долинах были связаны родственными узами. – Я был на месте стоянки Амагаста – оно пусто. – (Улфадан кивнул снова.) – Этой весной они ушли на юг, путь их всегда проходит через эту долину. Мы видели, что половина их мастодонтов перемерла. Была плохая зима.

– Все знают, теперь зимы всегда плохие. – Улфадан грустно закивал. – Они не возвратились.

Херилак раздумывал, представляя себе путь из долин на равнины, а потом на восток к морю.

– Значит, они отправились к морю?

– Каждый год они становятся на лето возле реки на побережье.

– Но в этом году они не вернулись?

Другого ответа, кроме молчаливого согласия, не было. Что-то случилось, но что именно – никто не знал. Быть может, саммад Амагаста нашел новое место для зимней стоянки. Многие саммады уже погибли от холода, места стоянок освобождались. Такое бывало. Скорее всего, что-то произошло, но что?

– Дни коротки, – сказал Херилак, поднимаясь на ноги. – А путь долог.

Улфадан тоже поднялся, в знак дружбы взяв за руки рослого охотника.

– Зимой путь к морю долог и одинокий. Да сохранит тебя Ерманпадар в этой дороге.

Больше говорить было не о чем. Херилак вновь плотно обмотался шкурами и снова обратил копые свое к югу.

На равнине он смог идти быстрее, здесь смерзшийся снег не проваливался под его тяжестью. Одна зима грозила ему здесь, на безжизненных, снежных равнинах.

Только однажды за весь долгий путь он увидел большого оленя, тощего горемыку, по следам которого плелись несколько изголодавшихся саблезубов. Он издали заметил, что они бредут по равнине в его сторону. Неподалеку оказался невысокий холм, на котором высились несколько голых деревьев, и Херилак остановился возле них, наблюдая сверху за происходящим.

Обреченный большой олень слабел, с истерзанных боков его уже капала кровь. Добравшись до подножия холма, он споткнулся и, вконец обессиленный, резко повернулся навстречу преследователям. Голодные саблезубы, не думая об опасности, бросились со всех сторон: запах свежей крови будоражил их. Острые рога зацепили одного из нападавших и отбросили в сторону. Тогда вперед выступил вожак, он повалил большого оленя одним ударом лапы. С громким блеянием зверь упал – ему пришел конец. Вожак, рослый черный зверь с мохнатой грудью, отступил, пропуская вперед остальных; мяса хватит на всех.

И тут вожак почувствовал на себе внимательный взгляд. Инстинкт сразу подсказал, что за ним следят. Рыкнув, он поднял голову и заметил Херилака. Пригнувшись, зверь двинулся в его сторону... Херилак уже видел немигающие желтые глаза.

Человек не пошевелился, не опустил копые. Взгляд его был тверд. Он словно говорил: «Вы идете своим путем, а я своим. Если нападете – убью». Саблезуб знал, на что способно копые. Еще раз внимательно взглянув желтыми глазами, зверь вдруг повернулся и спустился к стае. Он подошел к оленю, саблезубы потеснились. Но прежде чем вонзить зубы в теплое мясо, он снова поглядел наверх. Под деревом никого не было. Человек с копьем исчез. Саблезуб опустил морду и принялся за еду...

Буран заставил Херилака отлеживаться под шкурами целых два дня. Большую часть времени он проспал, экономя припасы. Но или ешь, или умирай от голода.

Когда буран наконец прекратился, охотник отправился дальше. В тот же день удача улыбнулась ему – Херилак наткнулся на свежие следы кролика. Заложив копье за перевязь на спине, он взял лук и натянул тетиву... Ночью он пировал, зажарив на костре свежее мясо. Наелся до отвала раз, второй – и засиделся допоздна, обжаривая остатки над углями.

Здесь, на юге, снега было меньше, но зима такая же морозная. Под ногами ломались мерзлые стебли трав. Услышав какой-то звук, охотник поднес ладонь к уху и прислушался. Да, вдали шумела вода, волны прибоя разбивались о берег. Море...

Херилак шел, держа наготове копье, готовый к любой опасности.

Но опасность здесь уже не подстерегала его. Под серым зимним небом он обнаружил лужок, усеянный останками мастодонтов. Холодный ветер свистел в обнажившихся ребрах: здесь поработали пожиратели трупов, попиروвали вороны и морские птицы. Рядом белел скелет тану. А когда охотник увидел, что весь речной берег усеян человеческими скелетами, глаза его сузились и он стиснул зубы.

Что тут случилось? Мертвы все... все, весь саммад, это ясно с первого взгляда. Погибли дети и взрослые. Но кто убил их? Какой враг напал и перебил всех? Другой саммад? Невозможно. Тану взяли бы шатры и увели мастодонтов, а не перебили бы их вместе с хозяевами. Шатры были на месте, большей частью свернутые, уложенные на травойсы, оказавшиеся возле скелетов мастодонтов. Саммад снимался со стоянки, тану собирались в путь, когда явилась смерть. В ребрах одного из скелетов Херилак заметил металлический блеск. Осторожно приподняв кость, он увидел порыжевший нож из небесного металла. Смахнув рукой ржавчину, он взглянул на рисунки, которые так хорошо знал. Выронив копье на мерзлую землю, он сжал нож обеими руками, поднял к небу и завыл от горя. Слезы боли и гнева текли по его лицу.

Погиб Амагаст, а значит, и жена его, сестра Херилака. Их дети, женщины, взрослые охотники. Мертвы, все мертвы, все. Нет более саммада Амагаста...

Кипя от ярости, Херилак смахнул с глаз слезы: жаркий гнев сжег горе. Надо найти убийц. Согнувшись, бродил он взад и вперед в поисках чего-то неведомого, а чего именно – не знал и сам. Но он искал тщательно и внимательно, как подобает охотнику. Тьма помешала Херилаку, и ночь он провел возле костей Амагаста, разыскивая его тхарм на небе. Он там, конечно же, среди самых ярких звезд.

На следующее утро он нашел останки какого-то непонятного существа. Он долго рассматривал их, пока наконец не догадался, что перед ним...

Это было длинное и тонкое существо, с крошечными ножками, на которых нельзя было ходить. Ребер и позвонков было куда больше, чем нужно.

Мараг – сомневаться не приходилось. Правда, таких он еще не видел. Он не из здешних краев, но мургу, случалось, жили и вдали от жаркого юга.

Юг... И в самом деле! Херилак встал и взглянул на запад, откуда пришел. Откуда там взяться мургу, это же невозможно. Он медленно обернулся к северу и увидел уходящие вдаль снега и ледяные поля. Там жили парамутаны, они во всем были похожи на тану, лишь разговаривали иначе. Но их было очень мало, и они редко заходили на юг, к тому же они воевали только с зимой, а не с тану или между собой. На востоке, в океане, ничего не было.

Но с юга, с жаркого юга всегда приходили мургу. Приносили смерть, а потом исчезали. С юга.

Став коленями на заледеневший песок, Херилак внимательно рассматривал скелет марага, запоминая подробности, чтобы суметь нарисовать его, когда понадобится, на песке целиком, до мельчайших косточек.

А потом встал и раздавил хрупкие кости. Повернулся спиной к морю и пустился в обратный путь.

Керрик так никогда и не понял, что жизнь ему спасла его детская любознательность. Не то чтобы Вейнте' пощадила столь юное существо, к устuzu любого возраста она ощущала лишь отвращение, и смерть их не вызывала у нее отрицательных эмоций. Исель просто оказалась слишком взрослой, чтобы естественным образом отреагировать на новый язык, тем более на такой сложный, как у иилане'. Она считала, что иной речи, чем марбак, и быть не может, и вместе с другими женщинами потешалась, когда к ним в шатер навевались охотники с Ледяных гор, говорившие так, что их едва можно было понять. С ее точки зрения, это было признаком глупости: любой нормальный тану должен говорить на марбаке. Поэтому уроки языка иилане' ее не интересовали, она просто запоминала самые забавные звуки, чтобы угодить марагу и получить от него пищу. Иногда она вспоминала, что при разговоре следует шевелить телом. Для нее все это казалось просто глупой игрой. Потому-то она и погибла.

Керрик не думал о языке как таковом, он просто хотел понимать. Он был еще достаточно мал и воспринимал новое без особых усилий – просто слушая и наблюдая. Если бы ему кто-нибудь сказал, что концептуальных полей в языке иилане' несколько тысяч, что комбинировать их можно было ста двадцатью пятью миллионами способов, он просто пожал бы плечами. Числа не имели смысла, ведь он умел считать лишь до двадцати и не мог представить себе большего количества. Число пальцев – двадцать – было для него пределом. Так что все его общение основывалось на подсознании. Но Энге пыталась привлечь его внимание к некоторым правилам, символам и их значениям и заставляла повторять неуклюжие движения до тех пор, пока они не становились правильными.

Поскольку менять цвет кожи Керрик не мог, она учила его так называемой сумеречной речи. В густых джунглях, на рассвете и на закате иилане' общались, не прибегая к изменению цвета, а переиначивая выражения соответствующим образом.

Каждое утро, когда открывалась дверь, маленький заключенный ожидал смерти. Слишком хорошо он помнил гибель своего саммада: мужчин, женщин, детей, всего живого, даже мастодонтов. Их с Исель тоже однажды убьют, иначе и быть не могло. И когда уродливый мараг приносил утром еду, он понимал только одно – смерть его отодвинулась еще на один день. А

потом он молча следил, стараясь не рассмеяться, как то и дело ошибается глупая Исель, и так день за днем. Но он охотник, он горд. И не станет помогать ни ей, ни марагу, он будет отвечать, лишь когда спросят его самого. Побой он сносил, как подобает охотнику, молча. Через много дней он уже кое-что понимал в разговоре Энге с другим марагом, которого он ненавидел сильнее других: именно он бил и связывал их. Но мальчик молчал, храня в тайне свои познания, – крохотный успех посреди всеобщего несчастья.

А потом Вейнте' убила девочку. Он не жалел ее: та была глупа и заслуживала того, чтобы ее отправили ко всему саммаду. Только когда Вейнте' схватила его – свежая кровь алела на зубах убийцы, – маленький охотник не выдержал. Он ведь был на охоте один только раз, его еще не приняли в охотники – так он оправдывался потом, пытаясь объяснить себе, почему не принял смерть от ужасных острых зубов. На самом деле он просто насмерть перепугался, как тогда, когда его копье вырвало из глубины моря марага. Он заговорил со страху, едва понимая, что делает, и сумел произнести все достаточно правильно, чем сохранил свою жизнь.

Керрик знал: его все равно убьют, когда он надоеет мургу. Но день этот был впереди, и он впервые позволил себе крошечную надежду. С каждым днем он понимал все больше и говорил все лучше. Его еще не выпускали из этой клетушки. Но когда-нибудь его выведут наружу – не считают же они, что можно всю жизнь просидеть под замком, – тогда он и убежит. Мургу не ходили, а переваливались, и он был уверен, что бежит быстрее любого из них – если только они умеют бегать. Такова была его тайная надежда, и в расчете на это он делал все, о чем его просили, и надеялся, что его строптивость уже позабыта.

Дни начинались одинаково. Сталлан отпирала дверь и вваливалась внутрь. Керрик держался осторожно с грубой тварью. Хотя он более не сопротивлялся, охотница по-прежнему бросала его спиной на пол, больно придавливала коленями и надевала живые веревки на руки и ноги. Потом Сталлан скребла его голову струнным ножом, чтобы соскоблить отросшие волосы. Обычно эта процедура сопровождалась порезами. Позже приходила Энге с фруктами и мясным желе – он наконец сумел преодолеть отвращение и заставил себя есть. Мясо – это сила. Керрик никогда не говорил со Сталлан, если та ударом не требовала ответа, но подобное случалось редко. Он знал: от уродливого охрипшего создания сочувствия не дождешься.

С Энге было иначе. Керрик заметил, что она не похожа на других мургу. Лишь ее расстроила гибель девочки. Сталлан же восторгалась и хвалила Вейнте'. Иногда Энге появлялась вместе со Сталлан. Керрик стал говорить значительно лучше, а когда уверился в том, что может сказать именно то, что хочет, стал еще более разборчив в посетителях: если приходила Сталлан, он забывал обо всем до следующего дня.

Однажды утром Энге вошла вместе со Сталлан. Охотница обошлась с ним грубее, чем обычно. Когда руки его охватила холодная живая веревка, он заговорил:

– Почему ты бьешь и связываешь меня? Я же не могу причинить тебе боль.

Сталлан возмутилась и отвесила ему затрещину. Но мальчик заметил, что Энге слушает его слова.

– Мне трудно разговаривать, когда я связан, – проговорил он.

– Сталлан, – произнесла Энге, – он прав.

– Он ведь один раз уже набросился на тебя, разве ты забыла?

– Я не забыла, но это было давно, когда его только привезли сюда. Потом вспомни: он кусался, когда решил, что я побью самку. – Она повернулась к Керрику. – Будешь теперь причинять мне боль?

– Нет. Ты моя учительница. Я знаю, что, если я буду говорить хорошо, ты покормишь меня и не станешь наказывать.

– Просто удивительно, что устузоу умеет разговаривать, но... дикого зверя всегда следует остерегаться. – Сталлан была непреклонна. – Вейнте' поручила его моей опеке, и я повинуюсь приказу.

– Повинуйся, только не перестарайся. По крайней мере, освободи ему ноги.

В конце концов Сталлан уступила. И весь день Керрик был особенно старателен, ведь тайный план его начал осуществляться, хоть и медленно.

Считать дни Керрик не умел, да и не интересовался, сколько времени миновало. На севере, где жил его саммад, зима и лето отличались друг от друга, и для охотников не составляло труда различать времена года. Для живших здесь, в этой бесконечной жаре, не имело значения, сколько прошло времени. И когда по прозрачной пленке над его головой забарабанил дождь, лишь изредка затихая, Керрик понял, что после смерти Исель прошло уже много дней. Тогда-то в его повседневных занятиях случился непредвиденный перерыв.

Скрежет замка снаружи отвлек их от урока. Энге и Керрик повернулись к двери. Керрик обрадовался было, но оказалось, что это Вейнте'.

На первый взгляд мургу не отличить друг от друга, но он уже научился замечать разницу. Уж Вейнте'-то он не забудет никогда. Привычным жестом он засвидетельствовал подчинение и уважение и с радостью заметил, что та пребывает в хорошем настроении.

– Ты мастерица, Энге. Ты отлично воспитываешь животных, глупые фарги и те приветствуют меня не так проворно, как этот. Пусть говорит.

– Ты можешь сама говорить с ним.

– Неужели? Просто не верится. Наверное, это все равно что разговаривать с лодкой. Ты командуешь – она подчиняется. – Вейнте' повернулась к Керрику и четко произнесла: – Налево, лодка, налево.

– Я не лодка, но я могу пойти налево.

Он медленно обошел комнату, и Вейнте' зажестикულიровала, выражая неверие и удовлетворение.

– Встань передо мной. Скажи мне имя, которое тебе дано.

– Керрик.

– Оно ничего не значит. Но ведь ты устузоу и не можешь правильно выговорить слово. Твое имя следует произносить так – Экерик.

Вейнте' не понимала, что имя мальчика складывается только из звуков. Она добавила жесты, означавшие «медленный, глупый».

– Экерик, – повторил он, а потом добавил идентификаторы: «Медленный, глупый».

– Словно с фарги разговариваешь, – произнесла Вейнте'. – Понятия «медленный, глупый» он выражает нечетко.

– Лучше он просто не может, – пояснила Энге, – без хвоста он не может как следует выполнить это движение, но, смотри-ка, он ведь научился извиваться очень похоже.

– Скоро мне понадобится это создание. Из Инегбана прибыл урукето и привез Зхекак, которая будет работать с Ваналпе'. Она толста и тщеславна, но в Энтобане нет ученой умнее. Она должна остаться здесь, нам нужна ее помощь. И я хочу ублажить ее, как только возможно. Без сомнения, этот устузоу заинтересует ее. Говорящий устузоу! Она поймет, какой это успех.

Изобразив почтительное внимание, Керрик глядел на Вейнте'. В отличие от иилане', выражавших движением каждую мысль, Керрик прекраснейшим образом умел лгать. Вейнте' окинула его взглядом.

– Грязен, надо умыть.

– Моем ежедневно, это его естественный цвет.

– Отвратительно. И еще этот пенис. Нельзя ли его заставить втянуть все в этот мешочек.

– Он не убирается туда.

– Сделайте мешочек телесного цвета, не будет так бросаться в глаза. А почему череп так исцарапан?

– Мы каждый день соскабливаем с него мех, как ты приказала.

– Конечно же, я приказала делать это. Но я ведь не приказывала царапать этого уroda. Поговори с Ваналпе', пусть придумает другой способ снимать с него мех. Немедленно.

Когда иилане' уходили, Керрик смиренно благодарил и выражал глубокое уважение. И как только дверь оказалась закрытой, он выпрямился и громко расхохотался. Этот мир был к нему очень жесток, но в девять лет он уже умел бороться за жизнь.

В тот же день в сопровождении Сталлан пришла Ваналпе'. За ними следовала обычная свита помощниц и ретивых фарги. Для маленькой каморки их было слишком много, и Ваналпе' приказала всем, кроме первой помощницы, ждать снаружи. Пока Ваналпе' разглядывала Керрика, ее помощница раскладывала на полу свертки и расставляла какую-то посуду.

– Я никогда не видела их живыми, – произнесла Ваналпе'. – Но такие существа мне известны. Я уже анатомировала один экземпляр.

Она сказала это за спиной Керрика, поэтому он не слышал ее, что было вовсе неплохо, ведь понятие «анатомировать» на языке иилане' выражалось следующим набором слов: «резать-мертвое-мясо-на-части-учиться».

– Скажи мне, Сталлан, оно действительно разговаривает? Но это же просто животное.

Общего интереса к говорящему устузоу Сталлан не разделяла и желала ему только смерти. Но приказам повиновалась и не причиняла Керрику вреда.

– Говори! – приказала Ваналпе'.

– Что ты хочешь услышать от меня?

– Великолепно, – произнесла Ваналпе', мгновенно потеряв дальнейший интерес. – Что ты использовала для снятия меха?

– Струнный нож.

– Очень неудачно. Такие ножи хороши для разделки туши. Дай мне унутакха, – приказала она помощнице. Та вытряхнула из контейнера на ладонь Ваналпе' бурого слизня. – Я использую это для подготовки образцов. Переваривает только мех, а не кожу. Правда, мы испытали его только на мертвых устузоу. Посмотрим, как он управится с шерстью на живом.

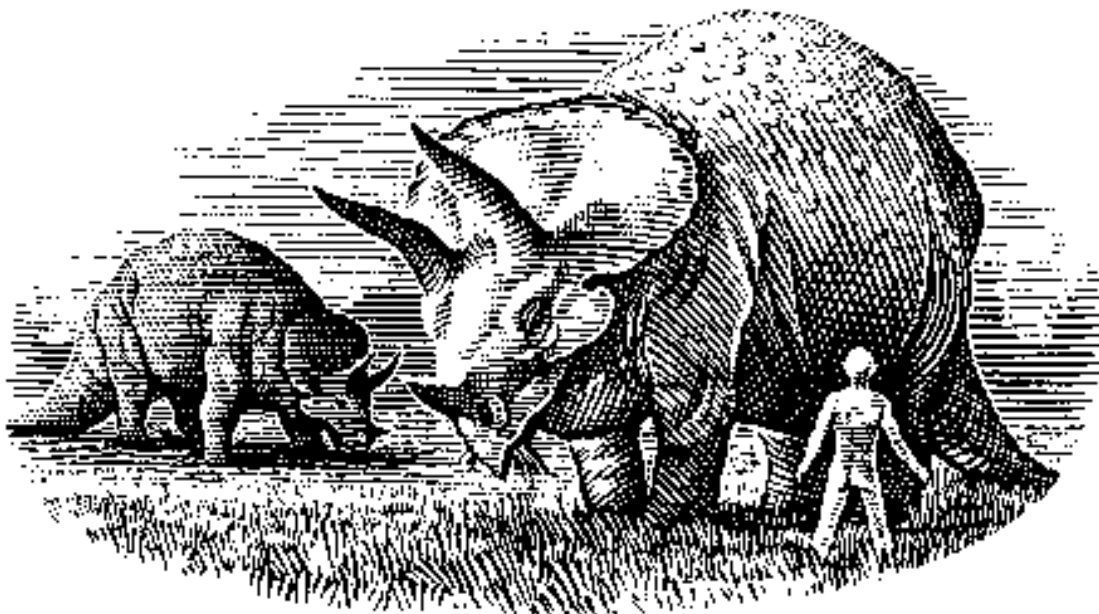
Сталлан швырнула Керрика на пол и навалилась на него, пока Ваналпе' разворачивала свернувшегося унутакха и пристраивала ему на череп. От холодного скользкого прикосновения он поежился, а иилане' с интересом следили, как слизень полз по его коже.

– Очень хорошо, – объявила Ваналпе', – кожа цела, меха нет. Следующая задача: нужен мешочек. У меня есть подходящая по цвету дубленая шкура, мы просто приладим ее к нужному месту. Я придумала специальные наклейки для кожи. Хорошо? Примерь.

Керрик готов был расплакаться от оскорбительного и грубого обращения, но сдержал слезы. Мургу не дождутся их. Холодный слизняк медленно двигался по голове и как раз прикрыл ему один глаз. Когда он отполз в сторону, Керрик поглядел вниз, где прилаживали мешочек. Мешочек его не беспокоил, и мальчик забыл о нем, едва слизняк неторопливо переполз на ресницы второго глаза.

Он никогда не узнал, что мешочек был сделан из тщательно выделанной кожи Исель, той самой девочки, которую мургу убили у него на глазах.

15

– Я долго думала над твоим положением, – произнесла Энге, – и пришла к выводу: ты – нижайший из низких.

– Я нижайший из низких, – согласился Керрик, стараясь не обращать внимания на унутакха, увлажнявшего слизью череп.

Он очищал тело мальчика от волос только третий день, и его влажное прикосновение еще было для маленького тану непривычным. Керрик относился к крохотному созданию с опаской. Когда вчера утром он скovyрнул унутакха с головы, слизень прицепился к пальцу и быстренько обьел едва ли не половину ногтя.

Слизень уполз на затылок, и Керрик смог обтереть безбровое, лишенное даже ресниц лицо тыльной стороной ладони.

– Ты слушаешь меня? – спросила Энге.

– Да. Я нижайший из низких.

– Но ты не так говоришь. Ты так и не научился правильно произносить. Теперь ты должен говорить так: нижайший из низких.

Отметив по-особенному согбенную позу Энге, подогнутый вниз хвост, Керрик по возможности попытался изобразить ее.

– Лучше. Практикуйся. Скоро тебе придется бывать в обществе высочайших, а они не потерпят твоих ошибок.

– А откуда ты знаешь, что я нижайший из низких? – спросил Керрик, представив фразу в виде вопроса, задаваемого глупцом. На самом же деле разговор казался ему скучным и уже начинал досаждать.

– Вейнте' – эйстаа и правит в Алпеасаке. Она высочайшая. Ниже ее – в бесконечной выси над тобой и мной – Сталлан, Ваналпе' и другие правительницы. Им служат помощницы, они обучают фарги. И пусть ты разговариваешь лучше многих фарги, ты всегда останешься ниже их, потому что они иилане', а ты – всего лишь устузоу: говорящее животное остается животным.

Все эти сложные ранги и титулы для Керрика не значили ничего. Его заинтересовало слово, которого мальчик еще не слышал.

– Что такое «фарги»?

– Фарги... Ну, это просто фарги.

Сказав это, Энге ощутила отсутствие смысла в сказанном. Некоторое время, задумавшись, она пыталась найти определение. Его трудно было сформулировать – понятие повседневное, общепринятое, иилане' принимали его за данность, не сомневаясь в существовании предмета. Так можно спросить: «Что есть солнце?» Просто солнце! Оно определяется фактом своего существования. Энге прекрасно знала, что физики могли многое рассказать о солнце, куда больше, чем ей хотелось бы знать. Но если она учит этого устузоу общению с высочайшими, он должен знать и обычные сведения, которые знали все. Объяснения пришлось вести с самого начала.

– С родильных пляжей наш молодняк попадает прямо в воду. Они много лет живут в океане, растут и зреют. Счастливое время: рыбу ловить несложно, опасностей мало. Все, кто входит в океан в одно и то же время, принадлежат к одному эфенбуру. Друг для друга они эфенселе, связь между ними длится целую жизнь. А потом все взрослеют и выходят на сушу. Самцов отделяют и доставляют в город, ведь они слишком глупы, чтобы постоять за себя. Настает трудное время, каждая самка должна обрести в жизни собственную дорогу. Еды много, но много и опасностей. Жизнь идет в городах, и молодые отправляются туда. Они слушают, учатся, а те, кто начинает говорить, становятся нижайшими. Это фарги. Ты ниже их.

– Я понимаю. Но как же насчет самцов? Все фарги самки?

– Конечно.

– Но ты же самец...

– Не оскорбляй меня. Ты никогда не видел самцов. Их содержат в хорошо защищенном месте – в ханане.

Известие это ошеломило Керрика. Самки! Все мургу самки! Все, даже отвратительная Сталлан. Ну все у этих мургу не так! Вот тану все умеют говорить, даже самые маленькие. Ясно – мургу глупые.

– А что случается с теми, кто не обучается говорить? – спросил он.

– Это не твое дело. Помни одно. Ты ниже нижайшей из фарги, тех, что зовутся «иилейбе» – «с трудом говорящие».

– Я нижайший из низких, – согласился Керрик, подавив зевоту.

Их занятия прервал скрип засова. Керрик сделал безразличное лицо, чтобы на нем не отразилась ненависть, которую он всегда ощущал при виде Сталлан. Она принесла запечатанную бутылку.

– Время пришло, – проговорила Сталлан. – Вейнте' требует устузоу к себе. Я принесла это, чтобы он не был опасен.

Сняв с головы Керрика унутакха, Сталлан помыла его с головы до пяток. Живая веревка на запястьях мальчика Сталлан не понравилась, и она заменила ее новой. Потом извлекла из бутылки длинный, темный извивающийся жгут.

– Никаких неприятностей от устузоу! – объявила Сталлан, притянув к себе Керрика, и набросила ему на шею длинную тварь.

Рот веревки присосался к собственному телу. Когда на шее мальчика оказалась надежная петля, Сталлан крепко взялась за другой конец.

– Скажи, чтобы он следовал за тобою, – велела она Энге, все еще отказываясь признавать в Керрике нечто большее, чем дрессированного зверя. Они одинаково ненавидели друг друга.

Но Керрику сейчас было не до нее: впервые после пленения он выйдет из помещения. Когда его несли сюда, он успел запомнить только деревья и лес. Теперь он был готов ко всему и старался выглядеть ручным и покорным. Энге распахнула дверь, и Керрик со связанными руками последовал за ней. Последней шла Сталлан, крепко держа поводок.

Перед ним простирался освещенный неярким зеленым светом туннель. Пол был плетеным, как и в камере, но стены казались куда менее прочными. Они были живым переплетением

тонких и толстых древесных стволов, ползучих лиан, цветущих кустов и каких-то неизвестных ему растений. Над головою листва смыкалась в крышу. То и дело в стороны отходили коридоры, по которым двигались темные силуэты и исчезали у выходов в ярких солнечных лучах. После долгого заключения он щурился. Свет резал глаза, но мальчик жадно смотрел вокруг сквозь слезы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.